

Сергей Сергеев

Кремль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=269672

Сергей Сергеев. Кремль: АСТ; Москва; 2009

ISBN 978-5-17-060632-0

Аннотация

Смертельно опасные тайны Кремля в новом головокружительном триллере от лучшего российского бизнес-аналитика Сергея Сергеева!

Смертоносные интриги, рискованные махинации и реальные факты!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Сергеев

Кремль

Глава 1

Искушение

– Недурное место этот остров, – сказал он. – Недурное место для мальчишки. Ты будешь купаться, ты будешь лазить по деревьям, ты будешь гоняться за дикими козами¹.

«Черт меня дернул говорить про “тихую гавань” и “остров стабильности”: мол, всем будет суперпогано, а нам – замечательно. Поплавали, освежились – и к новым свершениям. В бушующем океане мирового кризиса правильным курсом идете, товарищи! М-да... выставил себя безнадежным оптимистом. Признаю – поспешил. Умника Дворкина послушал. Сам виноват. Подставился на ровном месте, а теперь читаю всякие гадости в честных глазах соратников и подчиненных. Прямо не говорят, но и так понятно...»

Президент поморщился. Совсем недавно с уверенной и пренебрежительной улыбкой он гордо сообщил миру, что кризис России не страшен – не такое видали, – а даже выгоден. Все страны выйдут из потрясений ослабевшими, а мы «накачаем мускулы» и займемся реформами.

Можно просто забыть о неудачных высказываниях. Словно ничего и не было. Мало ли что сказал... «жизнь вносит свои коррективы» – он любил это выражение и часто его использовал. Но ведь не дают забыть, напоминают. Какой там «остров стабильности»? Где вы его видели? Теперь доказывай, что как раз Россия-то и наберет синяков от кризиса больше всех – сырьевая экономика, и все такое.

«А вы все наоборот утверждали», – представил он стрекозлиную рожу, ехидную и глупую. С мерзкими очками на носу, запотевшими от страстного желания «уесть».

– Тьфу, мерзость!

Он терпеть не мог признаваться в ошибках. Да и не было серьезных проколов, как выяснилось со временем. На редкость единодушное голосование на выборах, ковровая красная дорожка к позолоченному трону, отражение кремлевских зеркал и почтительные улыбки собравшихся. Все сложилось на удивление удачно. Мелкие шероховатости не в счет.

Однако ощущение тревоги не покидало. Ситуация требовала жестких решений, а на «резкие телодвижения» можно смотреть по-разному. Если сложится впечатление, будто он нарушает условия «тандема», правила игры, взаимные обязательства, – жди еще одного кризиса. Но уже не в мировой экономике – хрен бы с ней, а в Кремле – что ближе и опаснее.

«Ладно, если не поймут, отложу проект в долгий ящик, под сукно. Но попытаться все же стоит. Хуже не будет».

Президент тяжело вздохнул и написал резолюцию: «Согласен. Подготовьте необходимые документы». Потом несколько секунд подержал, словно прицеливаясь, украшенную серебряной вязью коллекционную ручку – подарок колоритного премьер-министра Италии Берлускони. Мысли о легком в общении, лукавом и бесцеремонном итальянце обычно вызывали бесшабашную улыбку и улучшали настроение. Любые трудности казались пустяками, случайными недоразумениями и мелочами, которые не заслуживают беспокойства.

¹ Здесь и далее цитируется «Остров Сокровищ» Р.Л. Стивенсона.

«Ну и правильно, чего раньше времени заморачиваться», – подумал президент и размашисто поставил свою подпись.

* * *

Марина была непредсказуема. И как ни странно, это давало Игорю ощущение стабильности. Почти как в теории контролируемого хаоса. Только в данном случае хаос не поддавался контролю и влиянию.

Она не уставала удивлять: словами, реакцией, улыбкой, долгожданной нежностью или непонятной холодностью, взрывом эмоций или ледяным безразличием... Что бы ни говорила и ни делала, Игорь знал: Марина никогда не совершит подлость или предательство. Поэтому перепады настроения не изматывали, а оживляли, придавая серым будням невероятное очарование. И в этом была стабильность, которая успокаивала. Даже когда он начинал сомневаться.

Игорь всегда был более практичен, упорядочен, конкретен. Точнее, рационален. Ведь никто не может сказать, в чем настоящая практичность – в неброскости или в яркости, в унылости или, наоборот, избытке страстей.

Каждый по-своему испытывает жажду и голод. Одни борются за выживание, а другие забиваются в угол и тихо страдают. Или пьют. Или втягивают онемевшим носом «кокс». Или ничего не делают и ждут. У этих по крайней мере есть шанс после того, как они отдохнут.

Марина была продолжением его недостатков и достоинств. Догадывалась ли она об этом? Игорь не знал. Он поймал себя на мысли, что, возможно, не знал о ней очень многого. Вообще ничего не понимал в ее характере, чувствах и желаниях.

Ни черта не догадывался!

Как жаль, что люди всегда остаются загадкой, лабиринтом, мучительной головоломкой. Даже самые близкие и родные. А потом уносят свои тайны в другой мир, о котором никому ничего не известно, что бы ни говорили проповедники. Они сами не знают, а говорят – чтобы успокоить и придать хоть какой-то смысл существованию. Будто человек сам не может понять, ради чего стоит жить. Да, не может. Но это не значит, что его нужно кормить сказками.

Эти мысли не огорчали Игоря Ратова. Наоборот, ему становилось уютнее, когда он пытался дать рациональное объяснение тоске по Марине. Расстались, перевернули страницу жизни, забыли друг о друге!

Нет, это невозможно.

«К сожалению, чем дороже тебе человек, тем больше у него тайн и сюрпризов, – вынужден был признаться себе Игорь. – Приятно сознавать, что не один ты такой несчастный, есть закономерности, для которых твои личные терзания – частный случай, не более того. Влюбленность – болезнь. Атрофирует зрение и слух, превращает человека в беззащитное существо, зависящее от воли случая. Каждая встреча в нашей жизни случайна. Значит, и любовь случайна. Человек не способен предсказать свою судьбу, тем более влиять на нее. Он может изменить ход своей судьбы, но результат ему неизвестен. Кроме последнего и окончательного. Нагим ты в мир пришел, нагим и уйдешь...» Игорь почувствовал, что рука сама тянется к компьютеру.

Он не мог не рассказать ей о своих мыслях, не почувствовать ее дыхание, ее тепло. Даже если в это мгновение она в объятиях другого мужчины.

Не важно!

Он набрал электронное письмо. От спешки даже вспотели ладони.

Марина, добрый вечер!

Извини, что так поздно. Наше прощание ты устроила с присущей тебе артистичностью! Я был застигнут врасплох и до сих пор не могу прийти в себя. Наверное, я был невнимателен. Как все люди, которые счастливы и не подозревают об этом.

Ты помнишь, за несколько дней до твоего исчезновения мы ездили в Ново-Иерусалимский монастырь. Ты поднималась на каждую стену, а я оставался внизу. Мне было скучно. Вернее, я просто ленился.

Ты возвращалась, и в глазах твоих была боль. Ты словно спрашивала меня о чем-то. Только сейчас я понял, что это значило. Я еще мог все изменить, но не сделал этого. Спокойно сидел на лавочке и был уверен, что твоя непредсказуемость – всего лишь обычная игра, желание развлечься. Не более того.

Я был не прав. Прости меня.

Игорь.

Отправив послание, он улыбнулся, выключил компьютер и крепко заснул. Оставались какие-то три часа...

* * *

Рано утром Игорь встал с постели, подошел к письменному столу и посмотрел на молчаливый компьютер. Поборол искушение сразу включить его и принял контрастный душ и побрился. Потом сварил кофе.

Выбрал самую любимую сорочку, повязал модный галстук – в стиле ретро 1980-х. Отхлебнул кофе и посмотрел на себя в зеркало. Молодое энергичное лицо, волевой подбородок... Внешность уверенного в себе человека. Общее впечатление портит тревожность в глубине глаз, но кто будет присматриваться?

Он помнил каждое слово из отправленного накануне письма. Такие слова можно написать только поздно ночью. И лучше на трезвую голову. Так получается жестче и убедительнее, хотя все равно как-то жалостливо.

Хорошо, что никто не видел этого текста. Кроме нее.

Он не хотел ее переубедить. Он только молил о снисхождении. И напрасно. Или... А вдруг?..

Ратов резко отвернулся от зеркала и нажал заветную кнопку. Засветился экран.

Ответа не было.

* * *

– Как жизнь?

– Вопрос звучит неприлично. По нынешним-то временам.

– Понятно. Дела идут из рук вон... хорошо! – уверенно произнес Борис Павлович Бровин и рассмеялся своим фирменным смехом.

Смех может рассказать о человеке больше, чем медицинское и психологическое обследование. Подделать смех очень трудно – ехидные ухмылки или наигранный оптимизм вызывают брезгливость и недоверие.

Борис Павлович смеялся от души. Он чувствовал себя комфортно в многоцветном мире, жизненные силы били ключом. Борис Павлович привык к тому, что окружающие относились к нему с почтением, замешанным на вере в чудо. Знаменитый потомственный хирург, спасший тысячи жизней, Бровин заслуживал этого поклонения и знал, что заслуживает.

Он так и не успел обзавестись собственными детьми и любил своего племянника Игоря Ратова как сына, но считал его невезучим и недостаточно пробивным молодым человеком, не лишенным, конечно, определенных талантов. Только вот, считал Борис Павлович, применяет их Игорь неразумно.

Зачем было тратить столько времени на защиту никому не нужной диссертации? Ради ученой степени доктора наук? Да кому сейчас нужна эта степень? Или работать в Министерстве экономики, где Ратов, несмотря на молодость, успел дорасти до директора департамента, пока его победный марш к чиновничьим высотам не остановила очередная реорганизация и «перетряска кадров»? Лучше, если бы племянничек использовал свои знания, чтобы заработать кучу денег, а заодно поддерживать отечественную медицину: скажем, клинику Бровина или перспективные научные исследования.

Конъюнктурные и продажные, по мнению Бориса Павловича, экономические изыскания и наукой-то назвать было нельзя. Чего стоят Нобелевские премии по экономике! Лауреаты исхитрились доказать невозможность мирового финансового кризиса. А когда кризис стал реальностью, никто даже не покался. Притихли на короткое время, а потом опять беззастенчиво стали советовать, как жить.

Но медицину Борис Павлович также считал не совсем точной наукой, полагая, что она занимает второе место после богословия. Слишком индивидуален человеческий организм. Конечно, имеются некие закономерности, но в сложных случаях решение подсказывает только интуиция, основанная на знаниях, опыте и творческом порыве.

Бровин резко оборвал раскатистый смех и строго спросил:

– На охоту поедешь?

– Охотиться сейчас не модно.

– Будут люди из Кремля. Меня предупредили: президент твою бумагу посмотрел и согласен. Получишь конкретное предложение.

– Лучше бы пригласили на рыбалку, – попытался пошутить Игорь.

– А это вряд ли! Никогда не знаешь, какую рыбку выловишь, а им нужна определенность. Кстати, можешь взять с собой Семенова – толстяку тоже пора проветриться.

Игорь кивнул. Его университетский друг Алексей Семенов весил больше ста килограммов и производил впечатление добродушного тяжелоатлета, коим и был в действительности. За габариты острые на язык сокурсники прозвали его Сиротой, хотя у него имелись вполне благополучные родители. Кликуху «Сирота» было принято произносить с иронией, подкрепляя округлыми движениями, показывающими нечто очень крупное и тяжелое.

Сирота был незаменим в студенческих стройотрядах. Его боялась шпана – за силу и просыпавшуюся в драках безрассудную смелость. К тому же он прекрасно готовил и охотно исполнял обязанности повара, а заодно и снабженца, следившего за тем, чтобы из студенческого пайка не пропал ни один грамм «рациона питания».

После университета Алексей благополучно устроился экономистом в один из крупнейших государственных банков. Работа считалась не особенно высокооплачиваемой и престижной. Однако Сирота был терпелив, не так уж амбициозен и в отличие от Ратова не менял места работы. Стабильно карабкаясь по служебной лестнице и не страдая от финансовых кризисов, которые по странному стечению обстоятельств усиливали государственные банки и разоряли их чересчур бойких конкурентов из частного сектора, он со временем стал членом правления, отвечающим за обслуживание крупных корпоративных клиентов.

Борис Павлович не без оснований полагал, что в скором времени Семенов займет кресло президента какого-либо банка из первой десятки или директора солидного предприятия. К счастью, многообещающая карьера не испортила характера Сироты и не прибавила ему апломба.

– Чего кривишься? Поедешь или нет? – уже более требовательно спросил Борис Павлович несговорчивого племянника.

– Поеду, с Алексеем.

– Очень хорошо. Сирота – классный парень. Стрелять-то он умеет? Ну и замечательно. И девушек симпатичных прихватите, – покривил душой Борис Павлович. Он совсем не хотел, чтобы женское присутствие портило охоту, однако лишний раз напомнил племяннику, что пора «вить гнездо».

Игорь усмехнулся – от дяди не отвяжешься.

– Чего усмехаешься? Ружье можешь не брать. У меня целая коллекция, – напомнил дядя.

* * *

Вернувшись поздно вечером в пустую квартиру, он вновь просмотрел электронную почту. Марина не ответила.

Игорь бросил пиджак на диван. Плеснул в стакан немного виски, выпил одним глотком. Напиток обжег гортань. Глаза сухо заблестели. Есть не хотелось. Он быстро набрал письмо, не размышляя над содержанием. Писал о том, что наболело и теперь рвалось на бумагу.

Тебя не вернешь. Я зря просил. Ты не хочешь, чтобы мы были вместе.

При прощании ты сказала: «Не огорчайся. Мы встретимся. Ты будешь рассказывать мне смешные истории. А я буду смеяться, и нам станет очень хорошо».

Тогда я представил, как это будет. Не важно, что говорить. Лучшие рассказывать всякие глупости и детские анекдоты. Они ни к чему не обязывают. Хотя я уверен: мы не сможем удержаться и все равно будем обмениваться многозначительными намеками. Как любовники, которые обнимают друг друга. Хотя бы мысленно.

Возможно, ты именно этого боишься и хочешь, чтобы я обещал тебе, что никакого искушения не будет – просто невинная встреча старых друзей.

А может, я все придумал. Ты уже забыла меня. Любовь – это такая химия, которую невозможно предугадать, объяснить и излечить. Она очень независимая и свободолюбивая особа. Приходит и покидает нас, когда ей захочется.

Многие считают любовь несчастьем. Но чаще мечтают о ней, как о несбыточном откровении, ради которого только и стоит жить.

Правы и те и другие. Мне от этого не легче.

Игорь.

В этот вечер Ратов напился, чего с ним уже давно не случалось.

Утром он машинально заглянул в почту и прочитал:

Я люблю тебя. Но это ничего не меняет.

Марина.

«Лучше бы не ответила. Хотя бы оставалась надежда», – подумал Игорь.

Глава 2

Сезон охоты

Разве я отказываюсь?... Я только спрашиваю: когда?

Кабана подстрелили в самый последний момент.

Накануне, в пятницу, впервые за несколько дней выглянуло солнце. В субботний день тусклый солнечный круг стал размытым и робким. Заметно приморозило.

Чистый сухой воздух будто разрывал легкие. От избытка кислорода кружилась голова. Хотелось просто погулять по лесу, а приходилось тихо сидеть на вышке. Через щели в бревенчатых стенах свободно гулял студеный ветерок, и Ратов чувствовал, как леденеют ноги, потом спина и руки.

«Сколько можно ждать? Нашли развлечение!» – недовольно поежился Игорь, вглядываясь слезящимися от мороза глазами в закрепленный за ним сектор поляны, куда мог выйти матерый кабанище.

Кабан, однако, появился из зарослей на участке Бровина, которому, как всегда, везло. Послышался хруст ломающихся под припорошенным снегом веток и кустов, потом раздались выстрелы и ликующие крики. Неловко переставляя одеревеневшие ноги, Ратов сполз задом по лестнице и поплелся к месту сбора.

Пили в этот вечер много, закусывая сырой печенью с крупной солью и мясом, жареным на костре. Потом полностью разделали тушу и раздали каждому охотнику по увесистому шматку. Ближе к концу пиршества, когда шум за столом, накрытым в охотничьем домике, стал стихать, Бровин представил Игоря молодому еще мужчине, высокому и худощавому, с пунцовым от мороза и выпитой водки лицом.

– Не обморозились, Олег Петрович? – заботливо поинтересовался Бровин.

– Так, слегка лицо обветрило. В общем-то не очень холодно. Градусов десять.

– Да это жестокий мороз! Мы привыкли к теплым зимам. Организму сложно перестроиться. Познакомьтесь, мой племянник Игорь Ратов.

– Мы, кажется, знакомы. Вы ведь в Минэкономике работали?

– Да, у меня тоже впечатление, что мы где-то встречались. Возможно, в министерстве или на научных конференциях, – предположил Игорь.

– Вероятно. Борис Павлович не говорил, что шеф заинтересовался вашей концепцией?

– Олег Петрович занимается в Кремле кадровой политикой, – встрял в разговор Бровин.

– Дядя мне ничего такого не говорил, – неумело приврал Игорь и, подавившись, закашлялся.

– Это хорошо его характеризует: умеет хранить секреты. Игорь, нужно подъехать в Кремль и очень подробно поговорить. – Олег Петрович крепко пожал руку Ратову.

Судя по рукопожатию, он был заинтересован в этой встрече.

В Москву кортеж машин с охотниками вернулся, когда стемнело. Хмель из головы выветрился, но тянуло в сон. Рядом на сиденье дремал Алексей Семенов по кличке Сирота.

Несмотря на эпикурейскую внешность, Алексей был ярко выраженным трудоголиком и редко посещал тусовки, однако с удовольствием встречался с Игорем. Охотничья вылазка оказалась довольно полезным мероприятием – Семенову удалось пообщаться накоротке с кремлевским кадровиком Олегом Петровичем и даже договориться о встрече. В этот вечер кремлевский «посланец» был щедр на обещания.

На радостях Сирота выпил больше, чем обычно, и сейчас сладостно посапывал, игнорируя огни ночного города, мелькающие за запотевшими стеклами авто.

* * *

В квартире Ратова царила холостяцкая пустота. После того как прервался бурный роман с Мариной, неожиданно бросившей его, чтобы выскочить замуж за немецкого предпринимателя, в жизни Игоря появлялись женщины, но мысли о браке не возникало. Не было ни времени, ни желания.

Марина уже год как уехала вслед за своим улыбочивым мужем в Нью-Йорк, где тот получил назначение в представительство германской электротехнической компании. Игорь часто думал о ней, но навязываться не хотел. Да и от Марины не было ни звонков, ни поздравительных открыток. Ничего!

Ратов не спеша разделся и только тогда почувствовал, что устал. Он натянул удобные легкие брюки и рубашку в модную клетку. Просунул уставшие ноги в черные кожаные тапочки и сварил крепкий кофе.

Перед самым завершением варки добавил в кофе соль на кончике ножа для аромата, ополоснул чашку кипятком и только после этого наполнил ее густым темным напитком. Плеснул в рюмку, похожую на полое яйцо страуса, немного своего любимого коньяка «Курвуазье» и устроился в кресле напротив плазменной панели, согревая коньяк в руке, отхлебывая его крошечными глоточками и запивая обжигающим кофе.

На экране очень стеснительный молодой человек с харизмой банковского клерка «втирал» про то, что Центробанк контролирует ситуацию и падения курса рубля не будет. Столь же убедительно два месяца назад, отводя глаза куда-то в сторону, он и другие взлохмаченные «эксперты» убеждали, что никакой девальвации не ожидается, а рубль у нас по-прежнему как несокрушимая скала.

«Где они их находят?» – подумал Ратов.

В последнее время стало модно назначать на высокие должности скромненьких маленьких «тихушников» с испуганными глазенками. Они до боли напоминали отличников, измученных зубрежкой и не успевших запомнить половину билетов. «Тихушники» постоянно меняли свои прогнозы и виновато моргали, когда оказывалось, что предсказания не доживают даже до вечера. Но не краснели, не бледнели и тем более не просились в отставку. Щеки оставались все такими же серовато-бледными, а волосики невинно торчали в стороны, как после глубокого послеобеденного сна.

Игорь не мог понять: то ли эти «прорицатели» действительно ничего не знают, то ли выполняют указания вышестоящих начальников, которые ведут свою сложную игру.

«Как там Сиротинушка? Устал он сегодня, расслабился. И жаловался, что его энергичная супруга твердо намерена наряжать елку. Дама упорная – не отступит. Хотя кто знает... Может, сейчас она готовит привезенную с охоты кабанятину. Вообще-то домовитая. Алексей ее побаивается».

После второго звонка трубку взяла Дарья, жена Семенова.

– Это Игорь, – бодро сообщил Ратов.

– Добрый вечер, – отчетливо выговаривая каждую букву, ответила Дарья.

«Плохо дело. Сам погибай, а товарища выручай».

– Как свинья? – деликатно поинтересовался Ратов.

– Какая? – В трубке повисла напряженная пауза. – Та, что пытается елку наряжать? – едко добавила Дарья.

Представив ползающего перед елкой крупногабаритного друга, Ратов счел благоразумным попрощаться, выразив робкую надежду, что мясо дикого кабана Дарье понравится.

Добавив про себя еще несколько пожеланий, более смелого свойства, Игорь выцедил большой глоток коньяка.

После свежего воздуха коньяк в сочетании с крепким кофе действовал как снотворное.

* * *

Резкий телефонный звонок заставил Ратова вздрогнуть. Он уже догадался, кто может позвонить в это время, но боялся поверить.

– Я приехала, – раздался в трубке знакомый голос.

– Навсегда?

– Пока не знаю.

– Где ты?

– В гостинице.

– В какой?

– В нашей.

– Жди, я сейчас приеду! – крикнул Игорь.

Кожаные тапочки полетели в дальний угол комнаты.

* * *

– Я очень рада тебя видеть, действительно очень рада.

– Ты ни разу не позвонила. Я тебе несколько писем послал.

– Да, я видела.

– Почему не позвонила и не ответила? Сотовый у меня прежний, номер я не менял.

– Вообще-то я тебе звонила, по домашнему.

– Когда?

– В сентябре, примерно двенадцатого числа.

– Ты приезжала в Москву, – догадался Ратов.

– Да, муж хотел показать город своим родителям. Приехали на неделю. И я тебе позвонила. Просто хотела сказать «привет». Спросить, как ты живешь. На сотовый звонить не решилась. Мало ли. Может, ты занят.

– На тебя не похоже. Когда ты стеснялась позвонить?

– Ты не изменился. Такой же деликатный. Мог бы еще сказать, что я нахальная и бесцеремонная.

– В сентябре я был в Москве. Ты просто не застала меня дома. Кстати, кто твой муж?

– Вспомнил о муже. Тебя что интересует? Рост? Вес? Цвет волос?

– Узнаю твой кроткий характер. Только не нужно агрессивности. Я просто спросил.

– Обычная история. По национальности немец, но немец условный. Родился и вырос в России. После средней школы эмигрировал с родителями в Германию. Прекрасное образование. Умный, талантливый, энергичный.

– Красивый?

– Пятнадцать лет работал в Лондоне инвестиционным банкиром. – Марина сделала вид, будто не услышала вопроса. – Последнее время мы жили в Нью-Йорке. Из-за кризиса банк закрылся, сейчас муж ищет работу. Надеется, что хорошо устроится в Москве. Вообще какая разница, чем он занимается?

– Значит, в сентябре вы были в Москве. Вместе. Поэтому ты и не позвонила. А сейчас приехала одна?

– Я же говорю: муж приезжал в Москву показать Россию своим родителям. Ну и заодно присмотреться, можно ли здесь найти что-либо подходящее в смысле работы.

– Ну и как впечатления?

– Сначала была катастрофа. Приехали, думали, будет бабье лето. В Штатах-то пекло. А в Москве жуткий холод, ветер, дождь. Родители мужа в шоке – пробки, грязь. Конец света. А тринадцатого сентября – как сейчас помню, в несчастливое число – дожди прекратились, выглянуло солнце и все изменилось. Полное перевоплощение. Красивый и динамичный город. Совершенно другой мир.

– И прекрасные впечатления?

– Нет, ты послушай. Впечатления действительно другие, но не менее странные. Рассмотрели город. И что они увидели? Повсюду вывески, транспаранты, растяжки: «Гитлер капут». Муж и его родители в шоке. Война опять началась? Все вроде в прошлом. При чем тут Гитлер?

– Действительно! Ах да, вспомнил. Это была реклама фильма «Гитлер капут». Комедия. Реальный вынос мозга, – рассмеялся Ратов.

– В конце концов разобрались, но поначалу были на грани нервного срыва. Они уже стали настоящими бюргерами. Германию воспринимают как родную страну. А муж – гражданин мира.

– Этот гражданин мира будет работать в Москве?

– Не уверена. Золотые времена, когда эмигрантов принимали с распростертыми объятиями, прошли. Сейчас охотнее берут на работу своих. В крайнем случае тех, кто поработал за рубежом, но сохранил связи в Москве. Поговорила я тут с одним директором по людским ресурсам. Он доказывал, что экспаты плохо адаптируются. Требуют запредельную зарплату. Опять же кризис. Денег нет и в ближайшей перспективе не предвидится.

– С этим не поспоришь.

– Еще он говорил, что бывшие эмигранты в основном работают в финансовом секторе. Инвестиции, зарубежные контакты, размещения акций. Сейчас это неактуально. Думаю, Макс останется в США или переберется в Германию. Там экономический подъем начнется раньше.

«Максом зовут ее мужа. Она впервые назвала имя. Наверное, Максим. Ходил в обычную московскую школу. А теперь, значит, немец и живет в Штатах. Интересно, какой он? Красивый, умный? С дураком она вряд ли могла бы жить. Кто главный в семье? Наверняка Марина».

– А ты? Тоже уедешь? – Ратов почувствовал, что при этой мысли сердце сорвалось куда-то вниз.

– Хочу остаться в Москве.

– Тебе не говорили, что ты похожа на Монику Беллуччи? Глаза, волосы, манера держаться.

– Говорили тысячу раз, но я лучше.

– Я соскучился по тебе.

– Я тоже. Мне жаль, что все так получилось. Я часто думала о тебе, советовалась с тобой.

– О том, чтобы выйти замуж, ты со мной не советовалась. Я бы почувствовал.

– Не будем об этом. Уже ничего не вернешь. Очень обидно.

– У меня не было более сильной и яркой любви.

– У меня тоже, – застонала Марина.

Ратов взял ее на руки и осторожно положил на шелковое покрывало широкой кровати. Она не сопротивлялась.

Глава 3

Ноев ковчег

Его слова показались мне не лишенными смысла. Мы заключили сделку.

Вице-премьер Сергей Иванович Сазонов всегда знал, чего хочет. И, как правило, добивался своих целей – без лишнего шума, суеты и напускной деловитости. Он прекрасно разбирался в людях, но очень не любил, чтобы это замечали. Сейчас ему было трудно удержаться от язвительной улыбки. Просматривая подготовленную пресс-службой правительства сводку, он подчеркнул красным цветом заголовок статьи, состряпанной известным журналистом «кремлевского пула»: «Премьер поменяет правительство перед своим отчетом в Думе».

Ссылаясь на высокопоставленные источники, корреспондент уверенно рассуждал, что отставка министра сельского хозяйства будет «первой ласточкой», а следом лишатся постов члены правительства, деятельность которых вызывает наибольшие претензии. Не называя имен, он тем не менее «подмигивал» в сторону чиновников, входящих в зону личной ответственности Сазонова, что придавало предположению газеты некоторую пикантность.

Председателя правительства, – настаивал журналист, – раздражают постоянные конфликты вокруг антикризисной программы, и он захочет продемонстрировать Думе обновленную команду.

«Какая чепуха, – подумал Сазонов. – Не понимают логику премьера. Он никогда не поддается давлению. Никакому! Если критикуют, для него это лишний повод сохранить людей. А когда никто ничего не ожидает, он может их и заменить. Но по собственной воле».

Это особенно импонировало Сазонову. Он презирал так называемые демократические процедуры и полагал, что важнейшие назначения всегда решаются узким кругом лиц и на Западе, и на Востоке, и в России. Иначе не бывает.

Если «играть в демократию», ничего не решишь! Или играть – или работать.

Сазонов предпочитал работать, причем на опережение. Сейчас он лелеял радикальный проект объединения металлургических компаний в мегакорпорацию. Конечно, это требует времени: начать нужно с двух-трех компаний, не больше. А потом пригласить и других олигархов, которые пока будут присматриваться и выжидать. Причем сделать им такое предложение, от которого они не смогут отказаться.

Вице-премьер ожидал, что проект вызовет сильное сопротивление. Противники объединения будут кричать, что вице-премьер и так захватил слишком много власти.

«Еще схему окончательно не отработали, а они уже дрожат от возмущения. Даже термин придумали – «экономический диктатор». Но это перебор! Я не отделяю себя от премьера и его стратегии. Нападающие целят в премьера. Так получается. Но не хотят в этом признаться. Крутят, изворачиваются».

Аргументы звучали убедительно, но основная слабость состояла в том, что все они были для внутреннего пользования. Не принято вслух рассуждать на столь деликатные темы.

«Обновить команду перед отчетом в Госдуме... Придумали, ловкачи. Да зачем ее обновлять? Какой сейчас может быть прессинг Думы? Сами пишут, что парламент штампует решения правительства. Отчет премьера перед депутатами пройдет без сучка и задоринки. Кто в этом сомневается? Никто. Так зачем распространять слухи и сомнительные прогнозы?»

Сазонов считал себя государственнымником и был убежден, что финансовая поддержка должна служить усилению его единомышленников. Они радеют за интересы государства? Значит, им и нужно помогать.

Технологии увода капиталов из страны достигли совершенства по тонкости и изощренности исполнения. Всех не проконтролируешь. Сначала нужно разобраться в человеке, его мотивах, а дальше решать вопрос о финансовой поддержке бизнеса. Можно даже вовлечь в проект ненадежных, но денежных партнеров, а потом создать им такие условия, что они сами отсеются.

«Говорят, мегакорпорация потребует сильных вливаний государственных денег, – размышлял Сазонов. – Если следовать классическим схемам, потребует. Но дыру в бюджете не пробьет. На общем фоне расходы будут терпимыми. В одиночку и по отдельности металлургии с кризисом не справятся. Нужно их объединить, а заодно провести селекцию на «чистых» и «нечистых». Да, Ноев ковчег, но в творческом развитии».

Он представлял себе мегакорпорацию как проект, выходящий за рамки одной отрасли, как испытательный полигон для новой экономической модели.

Недавно он добивался создания государственных корпораций, но конечным результатом был неудовлетворен. Эти корпорации стали жить своей жизнью, набрали долгов. Деньги портят людей. Уверовали в свою непогрешимость и могущество, вышли из-под контроля, а теперь сами страдают.

«Необходимо искать противовес. Это, кстати, стратегия премьера – система сдержек и противовесов», – добавил про себя Сазонов, придавая размышлениям заверченный вид. Он любил ясные и логичные построения.

Итак, следует объединить частные компании с государственными предприятиями. Нельзя складывать яйца в одну корзину – перебыют. Все риски сейчас не предусмотритишь. Начнем процесс, а дальше посмотрим. Вот тут каждый и проявит себя во всей красе.

Очень кстати подвернулся проект, предложенный металлургическим и газовым олигархом Рашидовым. Однако в коридорах власти считали, что он играет в команде президента и служит ему «кассиром». Поэтому сближение с Рашидовым требовало предельной осторожности, и Сазонов предварительно переговорил с премьером – не будет ли он возражать против обсуждения проекта мегакорпорации.

– Разберитесь в проекте, потом обсудим, – сказал премьер.

Сазонов вздохнул с облегчением: руки развязаны. Он тут же пригласил к себе Рашидова.

Вице-премьер не боялся сложных переговоров. В конце концов, он не обязан отвечать на все без исключения вопросы, которые ему могут задать депутаты, олигархи или «друзья-соперники» в Кремле и правительстве. У него было стратегическое превосходство, которое давала близость к премьеру.

Чем ближе к премьеру, тем большую долю госбюджета ты контролируешь. А это, в свою очередь, дает возможность оценивать, отбирать и отбраковывать.

«Еще неизвестно, кто кого будет спрашивать. У нас по крайней мере вопросы найдутся», – подумал вице-премьер и поверх подчеркнутого им заголовка о «новой команде премьера» поставил большой вопросительный знак.

* * *

Спартак Рашидов был уверен: проект мегакорпорации, которую уже окрестили «Ноевым ковчегом», кардинально изменит его положение в бизнесе. Ведь пока, несмотря на титанические усилия, созданная Рашидовым компания все же отставала от ближайших конку-

рентов. Она была мобильной, агрессивной, но недостаточно мощной, чтобы отвечать его амбициям и планам.

В привычках Рашидов мало напоминал восточного владыку – не любил пустословия и праздности, был деловит и конкретен. Он тщательно подбирал и продумывал аргументы. Выкладывал их постепенно, приберегая козыри и самые важные доводы.

Часто ему был важен не результат – в быстрые успехи он не верил, – а впечатление от собеседника. Он стремился расшифровать тактику, психологический настрой партнера или противника, истинные намерения. Вариантов было много – от активной борьбы или вялого сопротивления до обмана, прикрытого артистичным маневрированием.

Рашидов получал от разгадки этих ребусов огромное удовольствие и энергетическую подпитку. Его излюбленный прием состоял в том, чтобы, разгребая запущенные долговые завалы, накопить «денежный кулак», а затем нанести мощный и неожиданный удар в условиях падающего рынка, по минимальной цене скупив акции конкурента. После этого тщательно «переварить» захваченное, встроить новые активы в свою корпорацию и готовиться к очередному нападению. Не завершив одну операцию, он уже готовился к следующей и в любой момент мог поменять планы, если оказывалось, что запасной проект имеет больше шансов.

Рашидов был убежден, что самое ценное для предпринимателя – не деньги и связи, а интересные идеи. Только они способны привлечь внимание к проекту, придать ему убедительность и благородные очертания. А дальше – дело техники. Будут идеи – появятся союзники и бизнес-конструкции, предусмотреть которые в начале процесса просто нереально.

Избранная тактика действовала безотказно. Но в какой-то момент он изменил ей и ввязался в политические игры. Накопленные резервы были брошены на приобретение одной из самых влиятельных газет, интернет-ресурсы и другие проекты, призванные сделать его еще более полезным и незаменимым в глазах Кремля.

Кризис ударил в самый неподходящий момент. Неожиданно и жестко. Вместо того чтобы, как в прошлом, скупать подешевевшие акции, он оказался на мели и с долгами – не запредельными, но сковывающими любую активность. Проект мегакорпорации представлялся ему спасительной гаванью, которая позволила бы не только переждать шторм, но и захватить стратегические высоты во всей отрасли. Не без помощи государства, разумеется.

– Посмотрите на китайцев. Они ничего случайно не делают, – глуховатым голосом солидно развивал свою мысль Рашидов, посматривая на непроницаемого Сазонова.

Вице-премьер питал слабость к «китайским товарищам», часто бывал в Пекине и всегда изумлялся успешности экономической системы, построенной в Поднебесной.

– Вы, наверное, видели эту информацию: бывшего руководителя китайской алюминиевой корпорации Сяо Яцина назначили заместителем председателя правительства.

– Да, я знаю Сяо Яцина, – отозвался Сазонов.

– И что важно: ему поручен только один вопрос – скупка зарубежных месторождений и акций добывающих корпораций. Кто покупатель? Китайские государственные компании. Не устаю удивляться, насколько мудро они все делают.

– Я давно говорил, что этим нужно заниматься, – согласился Сазонов.

– Этот самый Сяо Яцин выкупил у «Рио Тинто» доли в проектах по добыче меди, железной руды и алюминия на двенадцать миллиардов долларов. Теперь добавит скупленные ранее облигации и доведет китайский пакет в «Рио Тинто» до восемнадцати процентов. А это – целая империя. Вот так рвутся к мировой гегемонии!

– А мы теряем время на бесконечные согласования! Сначала уступили индийцу Митталу, теперь он владелец «Арселора». На очереди Китай. Нужно работать в условиях кризиса, а не сидеть на мешках с деньгами. Скоро от этих мешков останется одно воспо-

минание. – Сазонов разволновался, что случилось редко, и выжидательно посмотрел на Рашидова.

– Сергей Иванович, я уже пятый год твержу: консолидация отрасли неизбежна, – сокрушенно заметил Рашидов. – Чем раньше мы ее сделаем, тем больше будет плюсов. Чем позже – тем больше потерь. Объединение отвечает мировой практике. Китайцы это поняли, а у нас опять непонятная ситуация.

– В чем задержка? Кто мешает?

– На словах соглашались, а на деле втягивают в тяжелые переговоры. Я еще два года назад сделал предложение Проскурову. Был план совместных действий. Результатов – ноль. Проскуров согласился, а потом начал крутить. Выдвигает дополнительные условия.

– Странно. Я сам помню, на совещании у президента он проект поддержал.

– Вот именно! На словах поддержал, а на деле сплошные возражения. Я ведь что предлагал? Объединить две частные компании с государственной корпорацией. Вполне достаточно. Проскуров заявил, что все в порядке, приступаем к объединению. И его партнер Лабинский с этим согласился. А потом выяснилось, что они расширили список тех, кого надо объединять. И Морева включили, и других. Почти все компании отрасли, за некоторым исключением. Так в чем логика? Он предлагает объединить самых неуступчивых и проблемных. И куда мы с такими пассажирами приедем?

– Да, изменение позиции. Я обратил на это внимание. Но президент не прореагировал. Он дает возможность владельцам компаний самим все обсудить. И договориться. – Сазонов поморщился.

– А премьер?

– «Зеленый свет». Пока по крайней мере. У меня сложилось впечатление, что он не определился.

– Невозможно на такой основе договориться! – взорвался Рашидов. – Объединение всех со всеми их долгами нереально. Похоже на братскую могилу. В моей концепции я предлагал объединение двух компаний с абсолютно подъемным долгом. Его можно конвертировать в участие государства. И тогда мы сразу начнем зарабатывать деньги, а не только долги выплачивать.

– Значит, кому-то выгодно быть должниками. Не хотят терять контроль над собственностью.

– Нет вопросов. Выдвигают дополнительные условия – мы их изучаем. Я и хотел доложить о новых предложениях. Я готов объединиться с Проскуровым-Лабинским в соотношении два к одному. Но при участии государства в капитале. Это – вопрос принципиальный. Тут на уступки мы не пойдем.

– Вообще-то государство ни на чем не настаивает, – скромно заметил Сазонов.

Рашидов кивнул, давая понять, что настаивать будет он, а государство пусть выступает в роли арбитра. Не бесплатно, конечно, а покрыв все долги «участников забега»

– Тогда я вижу только один выход из ситуации. Провести у меня совещание с заинтересованными лицами, – предложил вице-премьер.

– Заинтересованными – сильно сказано. Проскуров пытается помешать участию государства в мегакорпорации. Открыто не говорит, но загоняет процесс в угол, – стал повторяться Рашидов. Он хотел, чтобы эта мысль прочно осела в сознании вице-премьера.

– Ничего страшного, – кивнул Сазонов. – Проскуров и Лабинский привыкли к своим компаниям, им трудно представить кого-то рядом. Но придется. Без участия государства они не смогут. А что касается Морева, то у него ситуация еще хуже. Но он активнее. Вот откуда можно ждать сюрпризов.

Глава 4

Внутренняя логика

Пороха и пуль у нас достаточно, но провизии мало. Очень мало!

Олег Петрович объявился через два дня и пригласил Ратова «пообщаться» в шестой подъезд администрации президента на Старой площади.

Совсем рядом рвались к небу купола храма Живоначала́ной Троицы в Никитниках, зажатые среди зданий. В студенческие годы Игорь ухаживал за студенткой архитектурного института Татьяной, которая увлекалась московской стариной. Она рассказала ему, что на верхнем этаже колокольни сохранились фрески с уникальным изображением адских мук.

Он вспомнил жаркий августовский день, когда они с Татьяной долго поднимались по крутой лестнице до верхнего этажа колокольни, открытой для посетителей и совершенно пустынной. В то время храм служил музеем, но граждане его вниманием не баловали. Квартал ассоциировался с чем-то грозным, закрытым, высокомерным, и его старались обходить стороной.

Ратов стоял, пораженный, перед изображением грешников, покрытых кровотокающими ранами, кричащих и воющих от боли.

– В стенах и в потолке замурованы кувшины. Очень звонкая акустика, – шептала ему на ухо Татьяна. Действительно, голоса звучали так, словно они разговаривали не в маленькой и высокой палате, а посреди огромной площади.

Потом они медленно шли вдоль серых зданий, исполненных мрачного имперского величия, излучающих сыроватую прохладу даже в солнечный зной. Перед каждым подъездом, как придорожный столбик, торчал солдат в чистой и выглаженной форме. И, только подойдя поближе, Ратов заметил, что служивый похотливо разглядывает перезревшую грудь проходящей мимо девицы. Ощущение торжественности, недоступности, величия тут же пропало.

В голове перемешались воющие грешники, отвислая грудь девахи в ситцевом платье, откровенный и пристальный взгляд солдата, стертые ступени на лестнице колокольни, московская жара, громкий шепот Татьяны.

Еще раз посмотрев на колокольню, Ратов улыбнулся воспоминаниям, глубоко вдохнул влажный воздух и направился к шестому подъезду.

На душе было спокойно. И пусто.

* * *

В полированной поверхности стола отражались две дымящиеся чашки чая, вазочка с сахаром и блюдо с сушками. Как в советские времена, когда было принято угощать почетных посетителей в народном духе – сушками или в крайнем случае баранками. Олег Петрович постарался придать беседе неформальный и даже задушевный характер. Он умудрился найти среди сушек аппетитный кренделек, покрытый маком, и с видимым удовольствием отправил его в рот.

«Знает, где искать».

– Как вам наше предложение? – поинтересовался Олег Петрович, всем своим видом показывая, что крендельки в вазочке искать уже бесполезно. Как говорится, охотно предложили бы ботинки, но, извините, остались одни сандалеты.

– Вы предлагаете создать новое управление? – уточнил Ратов.

– Совершенно верно. Пригласите своих коллег из института. Ну вообще кого считаете нужным. Кадры раздувать не станем. Пусть у вас будет немного сотрудников, но лучшие. Статус высокий. Во всех ведомствах департаменты состоят из управлений, а у нас наоборот. Но разумеется, этим различия не исчерпываются, – тонко улыбнулся Олег Петрович, уследив отблески иронии во взгляде Ратова. – Каждое слово администрации имеет большой вес.

«Экономике не прикажешь, она живет по своим законам», – подумал Игорь. Он мог бы возразить оптимизму Олега Петровича, но им овладело внутреннее оцепенение. Мысли были далеко от этого кабинета, и хотелось поскорее договориться до чего-нибудь конкретного.

– Назовем подразделение, пожалуй, так: управление экономических реформ, – увлеченно развивал свою мысль неутомимый Олег Петрович. – Солидно. Дает поле для маневра. Опять же не вторгаемся в зоны ответственности других служб администрации президента и аппарата правительства. Это – принципиально. Иначе сразу возникнет конкуренция. Она и так возникнет, но все же лучше избежать негативной реакции. Если получится, конечно.

У Ратова усилились подозрения, что все продумано заранее. Во всяком случае, Олег Петрович явно излагал содержание уже согласованного документа и мнением Игоря интересовался формально, словно отбывая скучную процедуру. Вряд ли он допускал мысль, что Ратов может отклонить его предложение.

– А каковы функции управления? О каких реформах идет речь? – деликатно поинтересовался Ратов.

– Ну, название говорит само за себя. Эффективность нужно повышать. Вы же именно этим занимались в своем научном центре. После назначения сразу можете приступить к оформлению ваших идей в виде проектов указов президента. Выстроим новую модель управления, а вы дадите подробное экономическое обоснование.

– Это очень интересно. Вопрос в том, пройдут ли мои предложения?

– Все и сразу вряд ли. Главное, что президент вашу концепцию видел. Она ему в принципе понравилась. Начнем с конкретных шагов. Сейчас рассматривается список предприятий и компаний, которым государство окажет финансовую помощь, чтобы преодолеть кризис. Правительство представило свои предложения. А в Кремле практически некому этим заниматься. Я имею в виду на рабочем уровне – провести экспертную оценку, разработать критерии, определить тактические и стратегические цели. Что-то президент и сам предложит. Вы должны быстро и гибко реагировать на ситуацию.

– А справлюсь? – скорее из кокетства засомневался Ратов.

– Если бы в багаже у вас был только научный опыт, не знаю, – солидно изрек Олег Петрович. – Но вы уже поработали в госаппарате. Умеете науку переводить на бюрократический язык. Так что надеюсь, что справитесь. Хочу дать совет. Главное – всякий раз четко разбираться, чьи интересы стоят за той или иной идеей. Вроде все радеют об общем благе, а поковыряй пальцем – такое иногда вылезает!

– Реформы все же будут? – спросил Ратов.

– Куда они денутся! – безмятежно отмахнулся Олег Петрович. – В ходе согласования списка окажется, что без реформ нам очень неуютно. И тогда вы предложите идеи, которые отражены в вашей концепции.

– А сразу предложить нельзя? – засомневался Ратов.

– Нет. В правительстве посмотрят и скажут: «Откуда этот реформатор взялся?» И будут правы. Должна быть внутренняя логика. Вы согласны?

– С логикой не поспоришь, – кивнул Ратов.

– И не нужно.

* * *

Все эти дни он жил как бы в двух измерениях. Торопили с ответом на многозначительное предложение администрации: требовалось только последнее волевое усилие, буквально одно движение. Но воли и желания не доставало.

Большая часть времени проходила в мыслях о Марине. Ее запах, мягкие волосы, контуры лица – они словно преследовали его воображение: появлялись, потом таяли, как туман, затем возникали вновь и опять исчезали.

Она не отпускала Игоря ни на секунду. Он все время думал о ней и ждал встречи. Наконец собрался с силами и позвонил. Договорились пообедать в модном рыбном ресторане на Тверской.

– Здесь мило, – заметила Марина.

– Современно и уютно. Что ты возьмешь?

– Только стерлядь. Тысячу лет стерлядь не пробовала. – Настроение у Марины было великолепное. Она улыбалась, выглядела непринужденной и радостной.

Ратов заказал две порции стерляди – на пару и жареную на решетке. И попросил принести несколько салатов и белое вино под рыбу. Не помешает. Марина не возражала. Она с аппетитом пробовала все принесенные блюда, много смеялась – буквально над каждой шуткой Ратова. Посетители ресторана удивленно оглядывались на их столик. Любовники, и тем более супруги, так себя не ведут. Что это – встреча старых друзей? Но женщина слишком красива, чтобы попасть в категорию друга...

После первой радости от встречи разговор становился все более серьезным.

– У тебя хорошее настроение, – заметил Игорь.

– Сама не понимаю почему. Поругалась с мужем по телефону. Он потребовал, чтобы я немедленно вернулась, а я сказала, что в Нью-Йорк больше не приеду.

– Женщину скандал не портит, а освежает. Знаешь историю, как жена посылает мужу телеграмму с курорта: «Но люблю только тебя». А вслед за ней другую телеграмму: «Волнуйтесь, подробности письмом».

– Ты меня ревнуешь. Зря. Нужно выбирать не мужчину, а жизнь.

– Выбрала?

– Выбираю, к сожалению, не я. За меня выбирают.

– Что это значит?

– Неужели не догадываешься? Ты мог выбрать меня. Тогда, раньше.

– Я и выбрал.

– Неправда. Ты предпочел свою работу, я тебе была не нужна.

– Приоритеты в жизни меняются.

– В этом тоже различие между нами. Ты меняешь свои приоритеты сам, а я вынужденно. С тобой у меня на первом месте была семья, но это не получилось. С Максом я считала главным свою работу. Он – удобный муж и не мешает делать то, что мне нужно. И опять ошиблась. Кризис и все его прелести. Потеряла работу и деньги. Не я одна. Аналогичная ситуация у всех или почти всех моих знакомых. Но это – слабое утешение.

– Временное явление. Кризис пройдет, и все восстановится.

– Не уверена. Мне кажется, после этого кризиса мир станет иным. Не знаю, как в России, но в Штатах это очень чувствуется. Даже в мелочах. На Уолл-стрит перестали проводить корпоративные вечеринки. Для них это нечто вроде революции – не праздновать по случаю Рождества. Неудобно веселиться, когда идут массовые увольнения.

– Я не знал, что в Штатах ты работала.

– А ты думал, я буду висеть на шее у мужа? – помрачнела Марина.

- Кстати, как поживает твой муж?
- Он еще сильнее расстроился, когда дела пошли вразнос. Надо признать, русские мужчины более стойкие к трудностям. Или им на все наплевать.
- Ты хорошо держишься.
- Неплохо, но на душе противновато. На бывшей работе расстались как-то неряшливо, некрасиво. Даже попрощаться по-человечески не умеют, козлы. Осадок остался.
- У меня было такое же ощущение, когда сокращали министерство и мне пришлось свернуть кипучую деятельность.
- Но тебе же предлагали остаться.
- Это было скорее извинением – остаться и заниматься совершенно другими делами.

Я предпочел уйти.

- С гордо поднятой головой. Ты всегда так уходишь.
- Кстати, от меня ушла ты.
- Забудем. В Нью-Йорке художники выстроили из льда скульптуру. Символ кризиса. И она на глазах у всех растаяла. Считай, моя прошлая жизнь тоже растаяла. Нет ее.

Марина говорила возбужденно, даже взбудораженно. Но продолжала улыбаться. Правда, в глубине глаз появилась жесткость, словно она чувствовала боль, но не хотела ее показать.

Когда Игорь и Марина вышли из ресторана, в городе опять заморосил холодный дождь со снегом.

- Поедем ко мне, – предложил Игорь.
- Нет, сейчас мы простимся.
- Может, все же погуляем по переулкам?
- Это нас далеко заведет. Прости, я спешу, – сказала Марина и растаяла в толпе. Как ледяная фигура в центре Нью-Йорка.

Вокруг чадили автомобили и брели пешеходы. Каждый по своим делам.

Уже поздно вечером Игорь не удержался и позвонил. Марина ответила сразу. Будто ждала звонка.

- Почему ты уехала?
- Я боюсь. Мне страшно... опять влюбиться в тебя.
- Кстати, ты была не права.
- Я всегда не права.
- Когда мы прощались, ты сказала, что прогулка по переулкам может далеко нас завести. Я посмотрел карту этого района. По переулкам-закоулкам далеко не уйдешь. Все перегорожено, много тупиков, улицы и переулки идут по кругу.
- Вот в этом все дело. – Марина вздохнула и выключила телефон.

* * *

Президент был озабочен и посмотрел на Ратова с плохо скрытым недовольством.

«Отвлекаю занятых людей от дела, даже неудобно», – не удержался от мысли Ратов.

– Давайте познакомимся поближе, – уже с доброжелательной улыбкой, но весьма строго предложил президент.

Ратов гордо кивнул, давая понять, что это предложение полностью отвечает его тайным желаниям.

– Что вы думаете по поводу мирового кризиса? В чем его главные причины? – сумрачно поинтересовался президент.

– Если рассматривать только мировой кризис и не затрагивать нашу специфику... – дипломатично начал Ратов и невольно замялся.

Президент бросил на него быстрый взгляд и саркастически улыбнулся.

«Видимо, думает – вот еще один зануда. Зря я про нашу специфику. Он о ней и не спрашивал».

– Основной источник кризиса, – быстро продолжил Игорь, – дестабилизация финансовой системы. Надули финансовый пузырь, и он в конечном итоге лопнул.

– Вы это о ком?

– О финансовой системе США, – быстро ответил Ратов.

– Продолжайте.

– Если говорить научным языком, американцы искусственно стимулировали спрос путем эмиссии. Накопленные долги стали превышать объемы новых кредитов. Естественно, это вызвало кризис всей системы.

– Говорить можете и научным, и любым другим языком. Лишь бы понятно. Реальный кризис перепроизводства, как нас учили в свое время, – уточнил президент. Он уже не отрываясь пристально разглядывал Ратова, словно пытался разгадать его мысли и понять, насколько парень убежден в том, что говорит.

– По доступной информации, которой я располагаю, американские лидеры, вне всякого сомнения, понимают глубину кризиса. Однако их ведущие аналитики, финансовые стратеги не могут дать внятных рецептов выхода из него.

– Да ни черта не понимают! Мне Чубайс признался: думал, что все плохо. И ошибся. Все оказалось очень плохо. Из мировых экспертов никто толком ничего объяснить не может. Или не хотят. Я думаю, это вернее. Вот вам и финансовые авторитеты! Показали полную несостоятельность, – четко выговаривая каждое слово, с брезгливой усмешкой сказал президент.

Ратов ответил сочувственным взглядом – как после этого можно верить финансовым «предсказателям»!

Президент помолчал. Ему понравилось сдержанное сочувствие Ратова.

«Верно говорят, что молчание – золото, хотя аналитикам, как известно, платят за формулировки, – подумал Ратов. Атмосфера в кабинете стала спокойной и даже уютной. – Интересно, чаю предложат? С сушками. Или с крендельками».

Президент, видимо, преуспел в разгадывании чужих мыслей и взглядом дал понять, что надежды на чаепитие лишены всяких оснований. Не до чаев, знаете ли!

– Когда можно реально выйти из кризиса и что для этого необходимо предпринять? Я имею в виду самые важные меры. Все перечислять не надо, – жестко сказал он.

«Говорит, конечно, о нашем кризисе, но не уточняет. А зачем уточнять? И так все понятно». Ратов кивнул и почувствовал большое внутреннее облегчение.

– Выйти из кризиса раньше, чем остальной мир, России не удастся, тем более что наша экономика остается сырьевой. Если заметное оживление мировой экономики произойдет примерно через год, то следует ожидать выхода России из кризиса через полтора года.

– Я думаю, вы слишком оптимистичны. Кризис может растянуться года на три. И еще неизвестно, с какими потерями мы из него выйдем.

– Правительством принят пакет антикризисных мер. Их цель – уменьшить потери, – попытался перейти на другую тему Ратов.

Что-то подсказывало ему: этот заход может приоткрыть тайный смысл предложений президента. Пусть не полностью, но хотя бы лучик света. А то идешь, как в темном туннеле, и не знаешь, куда он ведет.

– Антикризисный пакет нормальный, но исполняется неудовлетворительно. Много безответственности, разгильдяйства. Кстати, мне понравились ваши предложения по совершенствованию системы управления. Очень своевременные. – Президент на глазах становился раскованнее.

– Экономики, кроме добычи сырья, практически нет. Финансовые доходы росли, а отечественная промышленность была на голодном пайке, – неутомимо продолжал Ратов.

– Постойте, – спохватился президент. – Нельзя все мазать одной черной краской. Вы даете слишком жесткие оценки. Ничего не поздно, если подойти с умом. И нельзя говорить, что экономики совсем нет. Кое-что сделано. Приоритетные национальные проекты, например.

– Денег для развития выделялось недостаточно.

– Это как посмотреть. Не хочу, чтобы между нами возникло недопонимание. Я исхожу из того, что финансовая политика доказала свою эффективность. Ситуация с финансами у нас стабильная. Этого вы не можете отрицать. Если бы не создали резервы, было бы намного сложнее пережить кризис. Но ладно. Критика полезна. У вас много аргументов. Их тоже нужно учитывать.

– Дело не в моих личных пристрастиях. Просто я пытаюсь объективно оценивать ситуацию, – поскромничал Ратов.

– Не любите легких решений?

Вместо ответа Ратов развел руками, что можно было расценить одновременно как признание и сожаление: «Что делать, если я такой вредный?»

Жест получился убедительным. Игорь действительно не мог понять, как президент может восторгаться финансовой политикой «бухгалтерского образца», которая поставила крест на развитии экономики, и одновременно поддерживать его концепцию, которая эту финансовую политику отрицает.

Он замечал подобные «несогласованности» в позиции президента и раньше. Но одно дело их замечать, а другое – жить с ними, когда они непосредственным образом тебя затрагивают.

«Видимо, в этом есть своя внутренняя логика», – успокаивал себя Ратов.

Президент расценил молчание Игоря как полное согласие.

– Вы нам подходите, – сказал он и сдержанно улыбнулся.

«Интересно, для чего?» – подумал Ратов.

Глава 5

Выбор

*Ты, кажется, любитель заключать договоры. По-твоему, тебе
все всегда удастся, дубина ты стоеросовая!*

Ратов спустился со второго, «президентского», этажа, прошел пост охраны и вышел на Ивановскую площадь. Посмотрел на Царь-пушку, так никогда и не приготившуюся для защиты Кремля, и залюбовался куполами соборов. Едва успев включить мобильный, он сразу почувствовал, как телефон раздраженно подмигивает и дрожит в руке.

Звонил Олег Петрович:

– Почему не докладываете?

– Олег Петрович, я только что вышел из здания.

– Могли бы позвонить мне на сотовый, – выразил недовольство «кадровик». – Как беседа?

– Мне кажется, все в порядке. Впрочем, не знаю.

Игорь действительно так и не понял, почему им заинтересовался президент. Скорее всего Борис Павлович Бровин удружил любимому племяннику и переговорил с кем надо, с тем же Олегом Петровичем. Но президенту он зачем понадобился? Что-то серьезное? Иначе не пригласили бы для разговора. Впрочем, все как-то зыбко, неопределенно, непонятно.

«А может, это как раз нормально. Многие чиновники проводят в состоянии неопределенности десятилетия, привыкают и не представляют другой жизни».

– Зайдите ко мне, – озабоченно произнес Олег Петрович. – Обсудим.

– Я сейчас в Кремле, – уточнил Ратов.

– Ничего, здесь рядом. Можно пешком дойти. Я вас жду.

Машина с водителем, числящаяся за институтом Ратова, ждала его на стоянке. Он был бы не прочь и сам заехать в Кремль, но авто, зарегистрированные на частных лиц, сюда не пропускали.

Водитель с уважением посмотрел на Игоря. Он впервые оказался за рулем внутри Кремля и, когда потребовалось повернуть в Троицкие ворота, запаниковал. Еще бы! Всегда старался объезжать дежурящих здесь строгих ментов, а тут поезжай прямо им в лапы.

– На Старую площадь, – небрежно распорядился Ратов.

В шестом подъезде пропуск был уже заказан.

«И почему он волнуется? Даже не поздоровался», – с раздражением подумал Игорь о заботливом Олеге Петровиче.

Увидев Игоря, женщина-секретарь, не говоря ни слова, показала ему на дверь кабинета.

– Что он сказал? – тут же спросил Олег Петрович вместо приветствия.

– Сказал, что подхожу.

– Очень хорошо.

– Да, но мне хотелось бы понять, для чего.

– Что значит – для чего?

– Для чего подхожу.

– А что, служебные обязанности не обсуждались?

– Нет, даже не затрагивались.

– А что вы сами думаете? О чем конкретно шла речь?

– О повышении эффективности антикризисной программы и формировании новой модели управления.

– Вообще-то эти вопросы относятся к функциям правительства, – поморщился «кадровик». Теперь, после беседы Ратова с президентом, он уже не скрывал, что «пересечение функций» вызывает у него серьезные опасения.

– Ну почему обязательно правительства? – попытался успокоить его Игорь. – Ответственность за то, что российские компании оказались по уши в долгах, несет Центральный банк. Кредиты за рубежом брать было выгоднее. Выпустили ситуацию из-под контроля. Следовало бы ввести регулирование получения иностранных займов.

– Центральный банк, говорите. Допустим, – нехотя согласился Олег Петрович. – Но ответственности с правительства это не снимает.

– Нет, я серьезно! Политику Центрального банка нужно пересматривать. Причем срочно. Ввести валютное регулирование. Чтобы деньги, которые тратятся на поддержку рубля, оставались на счетах в России, а не оказывались за рубежом, – не ослаблял напора Ратов.

– Ну ладно, что-нибудь придумаем, – вздохнул Олег Петрович. – Вообще-то странно, что он вам не сформулировал конкретное поручение. Хотя тоже правильно. Вы еще не оформлены. В первую очередь напишите положение о вашем управлении.

– Да, но...

– Напишите на основании того, что вы сегодня обсуждали. Никаких «но». Я же на беседе не был. И завтра передайте мне. Через несколько дней получим визы подразделений. У нас сильный козырь – с президентом все согласовано. Вы это имейте в виду. – Встретив вопросительный взгляд Ратова, Олег Петрович неохотно пояснил: – Если будут приставать, что да зачем, так и говорите: «Все согласовано». Умников у нас много. Вы перед каждым отчитываться не обязаны. А жизнь все расставит по своим местам.

– В общем, так оно и есть! – торжествуя согласился Ратов. – Не только согласовано, но и непосредственно вытекает из указаний президента.

– Вот это уже совершенно другое дело, – проворчал Олег Петрович.

В его глазах Ратов заметил искреннее удивление: «Быстро учится, не ожидал такой прыти».

* * *

– Я больше не могу! – кричал Ратов.

Еще мгновение, и он бросит телефонную трубку. Шарахнет ею об стену. Так, чтобы телефон рассыпался на мелкие кусочки.

Марина красноречиво молчала. Из трубки доносилось только ее дыхание. И, как показалось Игорю, запах – знакомый, дразнящий, сводящий с ума.

– Не кричи.

– Ты хочешь быть со мной? – уже тихо спросил Ратов.

– Да, очень хочу.

– Приезжай. Или я приеду к тебе. Соберем вещи, и переедешь ко мне.

– И все начнется по-старому?

– А что плохого?

– Ты никогда не поймешь. – Марина вздохнула.

– Но ты ведь не любишь мужа!

– Не обязательно любить, чтобы быть счастливой. Главное, что он любит меня.

– Ну, знаешь! Не сравнивай меня с твоим Максом, – возмутился Игорь.

– Давай останемся друзьями.

– Я не смогу. Говорить, шутить, видаться и знать, что тебя ласкает другой мужчина. А ты его. Я же все помню. Каждое движение. У нас было по-настоящему. Как можно после

этого дружить? Я знаю одну пару, у которой были страстные отношения. После того как они расстались, не могут видеть друг друга.

– Переходят на другую сторону, когда встречаются на улице?

– Не знаю, что происходит на улице, но если случайно пересекаются на вечеринке, то делают вид, что не знают друг друга. Выглядит нелепо и очень грустно.

– Ты этого хочешь?

– Ты знаешь, чего я хочу, – сказал Игорь. – Я люблю тебя.

Марина тяжело вздохнула.

– Не молчи, – просил Игорь. – Только не молчи.

Но все было напрасно. «Абонент вне зоны досягаемости», – повторял кокетливый женский голос.

* * *

Она была очень похожа. Одно лицо. Те же движения, даже прическа. Взгляд не такой прямой и дерзкий, как у Марины. Скорее мягкий. Но это – единственное отличие. Да, пожалуй, еще возраст. Заметно моложе.

– Что будем делать? – спросила девушка с внешностью Марины.

Она сидела по другую сторону офисной стойки и смотрела на экран компьютера, где высветился банковский счет Ратова. Черный пиджак в светлую тонкую полоску подчеркивал официальность, но смотрелся кокетливо, как строгая форма на красивых стюардессах.

– Сделать вам распечатку?

– Простите?

– Вы хотите знать поступления на ваш текущий счет? – Девушка уже с беспокойством смотрела на симпатичного высокого мужчину, который, казалось, думал о чем-то своем, глядя на нее напряженным взглядом. Слишком напряженным.

– Да, сделайте распечатку, – опомнился Игорь.

«Удивительно. Если бы я не знал, что Марина – единственная дочь в семье, то подумал бы, что у нее есть сестра-близнец. Нет, эта все же отличается от Марины. Сразу чувствуется, что характер намного мягче. В жизни было меньше разочарований. Все еще впереди».

– Что будете делать с остатком средств? Хотите снять их? Я рекомендую сначала перевести на депозит, а потом снять. Иначе придется платить комиссию за снятие наличных, – улыбнулась девушка.

– Кажется, я видел вас в университете. Вы студентка? – наобум спросил Ратов и тут же пожалел: «Подумает, что пристаю. Ну и пусть думает».

– Я учусь в Плехановке, на вечернем.

– А как вас зовут? – спросил Ратов. Ему было уже все равно. Пусть думает, что он обычный «приставала».

– Марина, – ответила девушка.

* * *

Сирота опоздал на десять минут. Ратов уже прогуливался во дворе высотного здания Академии наук на Воробьевых горах, разглядывая скрюченные фигуры, привинченные к стенам. Походило скорее на театр авангарда и абсурда, чем на научное учреждение.

Поднявшись лифтом на верхний этаж здания, друзья заняли столик с потрясающим видом на набережные и центральную часть города. Семенов, сокрушенно просмотрев раздел меню с мясными блюдами, сделал заметное волевое усилие и заказал более безобидные, по его мнению, – суп из белых грибов и филе дорадо в кокосовом молоке, приготовленное в

водорослях нори. Ратов выбрал тушеный телячий язык с лесными орехами, сморчками и картофельным пюре, а также филе окуня Изуми-дай с крабовыми палочками и драниками из цуккини.

- Как рыбка? – спросил Игорь, заметив, что Семенов подозрительно задергал носом.
- Вкусненько, но отдает водорослями.
- В этом вся прелесть, – радостно возразил Ратов.
- Кому прелесть, а кому не очень.
- Что тебе объяснять, мясоед! Заказал бы кабанятину.
- Хватило после охоты. Надолго. Так много пить нельзя.

Ратов хотел сказать, что не так уж много они выпили и все дело не в напитках, а в том, что Сирота превращается в подкаблучника. Но обсуждать очевидное и тем более обижать друга нелестными замечаниями не было желания. Не для того встретились.

- Ты согласился на новую работу? – спросил Семенов.
- От таких предложений не отказываются.

– А чем заниматься будешь? Я, кстати, твое назначение всячески приветствую. Мало ли как сложится. Надеюсь, не откажешь в помощи, если потребуется. По старой дружбе.

«Меня еще не назначили, а уже появляются лоббисты своих компаний. Даже Сирота отметился», – подумал Ратов. Он хотел рассказать, что не все так просто и замечательно, но, отправив в рот кусочек драника, лишил себя свободы слова.

- Я вижу, тебя что-то сдерживает, – заметил наблюдательный Семенов.

– Очень странная ситуация. Не могу понять, чего от меня конкретно ждут. Главный работодатель говорит, что мои предложения его интересуют. Но сам делает заявления, которые эти предложения как бы опровергают.

- Всему есть объяснение. И ты поймешь, в чем дело. И тебя вылечат. Но не сразу.
- А если не вылечат?

– Да ладно! Будешь ломаться, в следующий раз не пригласят. Кстати, что ты конкретно предлагаешь? Я в последнее время не очень внимательно слежу. Текучки много. Только успевай разгребать. – Семенов расправился с рыбой, тщательно вытер салфеткой рот и еще раз тоскливо просмотрел меню, которое официант коварно оставил на столе.

– Все просто. Почему государство хранило все сбережения за границей, получая низкий процент, а крупнейшие компании были вынуждены брать кредиты у тех же зарубежных банков? Дешевле, чем в России, но все равно по более высокому проценту. Кто-нибудь мне объяснит, в чем сермяжный смысл: отдавать заработанные деньги ростовщику и у него же брать займы?

– Ну, объяснений достаточно. Во-первых, если разместить деньги в России, их цинично украдут и резерва не будет. А во-вторых, некоторые считают, что это плата Западу за поражение России в «холодной войне». Откупаемся от них, чтобы не очень доставали. Второе объяснение, разумеется, бред, но насчет воровства – я бы не стал спорить. Действительно могут. – Сирота сочувственно посмотрел на Игоря.

– Чтобы не крали, существует государство. Для этого мы платим налоги. Предлагаю предельно упростить ситуацию. Зачем было загонять российские компании в долговую яму к зарубежным дядям? Или думали, что кризиса никогда не будет?

– В этом ты прав, – согласился Сирота. – Говорят, что резервов уже не хватает. Весь итог скопидомства за восемь золотых лет! Даже смешно. Купались в деньгах, а накопили на год и всем должны.

- И собственные банки превратили в карликов, – заметил Ратов.

– Ну, положим, не все. Мой банк стал крупнее. Правда, многих клиентов мы лишились. Кредиты давать некому. А как зарабатывать? Возьму я все же десерт. Разволновал ты меня.

Воспользовавшись паузой, методичный Ратов решил довести свою мысль до конца:

– Конкретно: я предлагаю создать Национальный совет по инвестициям во главе с президентом. Этот Совет будет контролировать финансовую политику крупных компаний, частных и государственных, распределять ресурсы, давать разрешения на привлечение внешних кредитов.

– Не всем понравится. Ты предлагаешь структуру, которая может подменить собой правительство!

– Какое правительство? Управление – прежде всего деньги. Если так посмотреть, то у нас реальные исполнительные функции на семьдесят процентов сосредоточены в Министерстве финансов. Структура, которую я предлагаю, вернет правительству контроль над финансовыми ресурсами.

– Все равно это меняет полномочия. Будет много обиженных.

– Наоборот, будет создано необходимое звено для совместной работы президента и премьера.

– А они тебя об этом просили?

– Вообще-то речь идет о создании управления экономических реформ в Кремле. Президент проявил интерес. Я с ним встречался.

– Тогда я совсем ничего не понимаю. Создание какого-то там Совета – это косметика. А реформы где? Что собираются реформировать?

– Ты, батенька, радикал! Любая дорога начинается с первого шага.

– Иногда и заканчивается. Как бы, Игорь, не подставили тебя по-крупному. Смотри, парень. Можешь оказаться пешкой в большой игре. Нет, все же не буду брать десерт, – буркнул Сирота. – Аппетит пропал.

– С тебя причитается. Наш разговор можно считать моим вкладом в твою диету, – улыбнулся Ратов.

– М-да, с этим не поспоришь. Так ты решился?

– Гложут сомнения, но согласие я дал. Надеюсь, все сложится, если не будет случайностей. Я боюсь случайностей.

– А я боюсь закономерностей, – признался Сирота и посмотрел через окно на заснеженный Кремль.

В городе поднялась метель. Хлопья снега понеслись вдоль реки, превращая студеною воду в бугристую массу. Словно застывшую пену кофе-капучино. Самые смелые снежинки долетали даже до верхнего этажа. Правда, потом пропадали. Бесследно.

Глава 6

Не боги горшки обжигают

День шел за днем, а нашей работе не было видно конца.

Кожа приятно горела. В мышцах накопилась легкая усталость. Очень хорошо. Чем больше потратишь сил на тренировке, тем лучше. Скоро эта усталость сменится притоком энергии. А пока кровь разгоняет кислород по всему организму.

С утра премьер долго плавал в бассейне. Затем дал серьезную нагрузку на тренажерах и сейчас чувствовал себя в прекрасной форме. Накопившаяся раздражительность померкла и затаилась в глубине сознания. Мысли приобрели прозрачную четкость, и мелочи отошли на второй план.

Что сейчас главное, самое существенное и необходимое? Финансы? Нет, здесь пока спокойно. Резервов пока достаточно. Политика, регионы? Все под контролем. Кое-где нужно подкрутить гайки, но ничего страшного. Система достаточно прочная.

Спад производства. Неприятно, но одним решением ситуацию не изменишь. Нужно время. Правда, предлагают укрупнить управление отраслями. В первую очередь объединить всех металлургов. Создать эдакий «металлургический Газпром», мегакорпорацию. Говорят, мол, возьмем акции предприятий бесплатно, а потом, когда экономика пойдет вверх – рано или поздно этот момент наступит, – можно выгодно продать акции и заработать. В интересах государства. А что получается? Какой там бесплатно! Долгов больше, чем вся их «канитель» стоит. И долги растут.

Премьер чувствовал, как приятная расслабленность после утренней тренировки сменяется настороженностью и возмущением. Он физически чувствовал, что проект мегакорпорации несет в себе опасность, хотя и не мог найти достаточно аргументов.

Если всех металлургов объединим, как контролировать? Самый эффективный контроль осуществляется изнутри. Сверху далеко не все увидишь. Значит, потребуется сложная конфигурация контроля. Соразмерная по масштабам мега-корпорации. А где взять надежных людей?

И вообще эта тема спорная. Мегакорпорации хороши в условиях стабильности. Тогда в спокойной обстановке можно спланировать стратегию и четко ее реализовать. А в условиях кризиса? Перспективы мутные. Кто сядет на финансовые потоки? И зачем? Государство даже не будет иметь контрольного пакета в мегакорпорации!

Фактически он уже поставил диагноз. Но по давней привычке решил не раскрывать карты, а понаблюдать за процессом: кто будет настаивать, какие доводы приводить, кого возьмет в союзники. И главное – с какой целью. Это уже интересно. Премьер почувствовал охотничий азарт и не удержался от улыбки. Он любил оперативные комбинации.

* * *

Глава кремлевской Администрации слыл человеком аристократическим. Этому способствовали приглушенные «старо-петербургские» манеры, галантность в общении с женщинами, отстраненная вежливость с подчиненными, тонкий породистый профиль, стройная фигура и редкая, даже в Кремле, скрытность.

Один остролов, обсуждая его гордую осанку, наделил предводителя Администрации прозвищем Герцог с намеком на памятник Дюку Ришелье в Одессе. Некоторые аналитики, впрочем, усматривали попытку приписать новообращенному Герцогу качества совершенно

другого Ришелье – католического иерарха, а по совместительству первого министра Франции, игравшего, по их мнению, роль «серого кардинала» при короле Людовике XIII.

Это было нелепицей, ибо кардинальская мантия отсвечивала ярко-красным, весьма пронзительным, а отнюдь не серым цветом. «Серым кардиналом» прозвали не Ришелье, а его духовника и главного специалиста по безопасности отца Жозефа, который происходил из ордена капуцинов и на этом основании носил грубую рясу мышинных оттенков. Однако, несмотря на влияние и деликатность исполняемых поручений, отец Жозеф кардинальского сана не имел, а был рядовым монахом. Да и как можно сравнивать аристократичного Герцога и бестелесную монашескую тень. Несуразица!

Самого же Ришелье звали «Красный кардинал». Но любая попытка приписать высшему чиновнику Кремля звание «Красный кардинал» в условиях современной России тянула бы на провокацию политического характера и означала бы гнусные намеки на скрытые симпатии к коммунистам. К тому же глава администрации явно не претендовал на роль интригана и заговорщика – ни красного, ни серого цвета.

– Вот они, недостатки образования, – возмутился Борис Павлович Бровин, которого Ратов посвятил в эти пикантные подробности за неимением других заслуживающих внимания новостей. – Плохо учились. Что-то слышали, но все путают. Своему непосредственному начальнику псевдоним подобрать не могут. Беда!

Намеки и сравнения окончательно перепутались, забылись, а родившееся в результате бурной мыслительной деятельности прозвище осталось, превратившись, правда, из Герцога просто в Дюка. Так оно звучало уютнее, спокойнее и демократичнее. И в случае прокола не могло обидеть носителя гордого звания. Поговаривали, что он тоже пришел из разведки, как и премьер. А этих «ребят» чиновники сильно побаивались.

Без всяких усилий у Ратова сложились с Дюком доброжелательные отношения. Просто в какой-то момент совпало настроение: Дюк, по своему обыкновению, сдержанно улыбнулся, Игорь ответил – и все получилось само собой.

Ратов уже получил кабинет на Старой площади и приступил к своим служебным обязанностям. Должности, выделенные для нового управления, постепенно заполнялись знакомыми экспертами.

Работы и всяческих организационных забот хватало. Нередко случалось так, что Ратов не успевал пообедать и возвращался домой поздно вечером голодным и злым. К этому состоянию Игорь относился спокойно, считая его естественной реакцией на возникающие проблемы. Он полагал, что возмущение выражает потребность организма защититься от стрессов. Ничего удивительного. Важно, чтобы это состояние не затягивалось.

Общение с Дюком вносило приятную разрядку. Ратов не чувствовал опасности или недоброжелательства с его стороны.

Получив указание подготовить записку о создании Национального совета по инвестициям, Ратов справился буквально за один день.

– Вы очень оперативны, – удивился Дюк и посмотрел в календарь. – Хотя что я говорю! Как раз вовремя.

– Вы давали поручение подготовить предложения по федеральным заказам. Все готово. – Ратов достал из папки очередную подборку документов.

– Да вы просто стахановец! Но эти документы подождут. Я посмотрю, и потом решим, когда их докладывать.

– Может, стоит представить их на совещании? – спросил Ратов. Он чувствовал, что его бьющая через край активность не совсем уместна, но уже не мог остановиться.

– Каком совещании?

– Я думал, что по этому вопросу будет совместное совещание Администрации и правительства. Или я не прав?

– Должен вас разочаровать, дорогой друг. Никаких совместных совещаний в вашем понимании мы не проводим. Правительство занимается своими делами, мы – своими. Если в правительстве сочтут необходимым, они могут пригласить нашего представителя. Мы тоже можем позвать экспертов из Белого дома, но только в рамках их компетенции.

– А как же мозговые штурмы?

– Сколько угодно! Можете штурмовать! Но только в рамках ваших прямых служебных обязанностей и поручений, – великодушно разрешил Дюк.

– Я как-то иначе себе это представлял, – признался Ратов. – Совместные совещания, встречи, обмен мнениями.

– Высшие руководители в постоянном контакте. Президент периодически встречается с правительством. Вот президент поедет поздравлять правительство с Новым годом, я вас включу в список сопровождающих лиц. Пообщаетесь с коллегами. И если возникнут вопросы, будете в зоне досягаемости. Хотя вряд ли. Президент предпочитает самостоятельно вести беседы. На переговорах эксперты ему обычно не нужны.

– Я понял. Ко мне все? – спросил Ратов.

– Раз уж вы такой выдающийся аналитик, еще одно поручение. Самое важное на данный момент. Необходимо доработать список стратегических предприятий, которым будет выделена финансовая помощь. В рамках антикризисной программы. Поручение на особом контроле. Отложите все дела и займитесь только этим.

– А разве составление списка не функция правительства?

– Президент должен поставить свою визу. В принципе эксперты уже проверяли список, но вам нужно посмотреть свежим взглядом и еще раз проверить. Это – живые деньги.

«Понятно. Они не доверяют своим экспертам и опасаются, что каждый будет лоббировать близкую ему компанию. А я человек свежий, ни с кем не связанный. Или все наоборот – в случае скандала будет на кого свалить ответственность? Как говорится, а вас, Штирлиц, я прошу остаться», – тревожно подумал Ратов.

Но отказываться от важного поручения было некстати.

– Не расстраивайтесь, – подмигнул Дюк. – Не боги горшки обжигают.

* * *

Борис Павлович Бровин получил квартиру на улице Спиридоновка в наследство от своего отца – знаменитого хирурга и лауреата многих премий. Светло-кирпичный дом с лоджиями, обшитыми темным деревом, находился напротив Дома приемов Министерства иностранных дел – причудливого особняка, сочетающего модерн и викторианскую английскую готику.

Этот дворец был выстроен по заказу фабриканта и благотворителя Саввы Морозова для своей молодой жены Зинаиды. Савва обладал редким даром притягивать к себе скандалы, а когда их недоставало, то устраивать новые. Девятнадцатилетняя Зинаида уже была замужем и носила фамилию Морозова – ее муж приходился Савве двоюродным племянником. Однако это не остановило Савву, который развел Зинаиду со своим родственником, построил для нее сказочные хоромы и по купеческому обычаю оформил особняк на ее имя.

Строил замок малоизвестный в то время архитектор Федор Шехтель, ставший впоследствии «иконой стиля». А тогда он только успел создать собственное архитектурное бюро после отчисления из художественного училища за «систематические непосещения».

Савва уже заказывал недоучившемуся и не очень дорогому архитектору строительство дачи в Переделкино – деревянного терема – и остался работой Федора Шехтеля доволен. Кто знает, может, без знакомства с богатым заказчиком и щедрым «спонсором» Федор Шехтель не смог бы совершить головокружительное восхождение к высотам архитектуры.

Особенно роскошными получились интерьеры – панели из драгоценных пород дерева, витражи, перила парадной лестницы в виде экзотических животных. Картины «Утро», «Полдень» и «Вечер» в малой готической гостиной принадлежали кисти Михаила Врубеля.

Для московских вкусов, тем более купеческих, дворец получился слишком вычурным и даже нелепым. Рассказывают, что посетившая дом строгая маменька Саввы, тяжело вздохнув, сказала: «Раньше только я знала, что ты дурак, а теперь будет знать вся Москва». Некоторые историки, впрочем, утверждают, что эти ругательные слова маменька произнесла при посещении дома Артемия Морозова на Воздвиженке, построенного в стилистике староиспанского замка.

Либо маменька отличалась редким постоянством своих высказываний, либо историки что-то напутали. А может, все придумали конкуренты и недоброжелатели рода Морозовых.

Если маменька все же Савву выругала, то следует признать, что она жестоко ошиблась. Дворец считается шедевром архитектуры, отразившим, ко всему прочему, страдающую и постоянно неудовлетворенную натуру мятежного Саввы.

Из окон квартиры Бровина открывался прекрасный вид на морозовский особняк. Престижный жилой дом был сдан как раз перед вторжением советских войск в Чехословакию в 1968 году и принадлежал Министерству обороны. В высших кругах советской номенклатуры перешептывались, что «вояки» превзошли по уровню комфорта совминовские и цековские хоромы. Неудивительно, что в числе его обитателей наряду с маршалами и некоторыми особо заслуженными генералами оказалось сразу несколько влиятельных министров.

Имея на плечах три генеральские звезды, дед Бровина также получил в доме на Спиридоновке просторную четырехкомнатную квартиру, поражающую воображение даже избалованных партийных и правительственных чиновников.

Шло время. Дом постепенно пустел и приобретал запущенный вид, напоминающий не очень ухоженного пенсионера, ведущего скромный и даже стесненный образ жизни.

Сначала Борис Павлович потерял родителей, потом сестру, а овдовев, остался совсем один. Неудивительно, что он направлял нерастрченную отцовскую заботу на своего племянника Игоря, которому завещал все имущество, включая и эту квартиру. Правда, свое распоряжение он предпочитал сохранять в строгой секретности, дабы не искушать судьбу.

Женщины любили Бровина, но он редко допускал их в свое жилище, предпочитая заниматься любовными утехами на даче или в специально снимаемой для этого квартире.

Борис Павлович старался ничего не менять в привычной обстановке. Только заметно прибавилось количество книг, а в углу спальни притаился подаренный Игорем «дрессмен» – «человек для глажки». Похожая на робота хайтековская фигура, почти в рост человека, отлично разглаживала рубашки и костюмы.

«Дрессмен» понравился Бровину. Конечно, к нему регулярно приходила женщина, которая убирала квартиру, готовила еду, стирала и гладила белье, но были у Бориса Павловича любимые и весьма дорогие вещи, которые он доверял только «дрессмену».

Это вызывало законную ревность домоуправительницы, которая не раз говорила Бровину:

– Да уберите вы этого супостата. Испугаться можно. Забыла о нем, случайно увидела – и чуть сознание не потеряла.

– Нервы нужно укреплять, Маша. Витамины, диета, свежий воздух. А если будешь канючить, поставлю вместо него скелет. Давно собирался, – шутя пригрозил Бровин.

Этот аргумент оказывал магическое действие, и протесты против роботовидного «дрессмена» прекращались. До следующего раза.

* * *

Бровин увлеченно готовился к лекции. В последнее время он успешно совмещал операционную практику, руководство клиникой и преподавание в медицинской академии, где имел научное звание профессора. На его лекции приходили не только студенты, но и опытные врачи, считающие Бориса Павловича гениальным медиком. Коллега-историк, увидев такое столпотворение, даже сказал:

– Борис, не ожидал! По популярности ты мог бы поспорить с легендарным профессором средневековой истории МГУ. На его лекции рвались как на театральную премьеру. И все ради одной сцены. Когда профессор входил в экстаз, он простирая к залу руку и восклицал: «По Европе, оставляя за собой пожарища, горы трупов и покоренные страны, продвигались орды Карла Великого. А в обозах ехали красивые бля... Да-да, дорогие товарищи, именно так звали в те времена прекрасных придворных дам!» И зал сотрясся от аплодисментов.

– Это в тематику моих лекций не входит, – сухо возражал Борис Павлович.

Он почти закончил конспект лекции, когда в пустой квартире раздались телефонные трели. Звонили с поста охраны на первом этаже.

– К вам посетитель.

– Кто? Поздно уже. – Бровин подумал, что речь наверняка идет о городском сумасшедшем или о назойливом пациенте. Вообще-то он старался сохранять свой личный адрес в секрете.

Услышав ответ вахтера, Борис Павлович удивленно вздрогнул. Не ожидал услышать это имя.

– Пропустите, – мрачно произнес Бровин и запер верхний ящик стола. На ключ.

* * *

Нежданный гость чем-то походил на хозяина. Та же уверенная манера держаться, раскатыстый бас, прямой взгляд. Однако Юрий Александрович Воронов был пониже ростом, и при ближайшем знакомстве оказывалось, что сходство с Борисом Павловичем страдало рядом существенных изъянов.

Говорил Воронов громко и отчетливо, что, несомненно, свидетельствовало о решительности и большой физической силе. Но без артистических интонаций, присущих не менее громогласному Бровину. Смотрел он вроде бы прямо в глаза, но слишком пристально разглядывая собеседника, причем делал это чуть брезгливо. Охотно улыбался, но с сардонической ухмылкой, от которой слабонервных собеседников тянуло проверить: а хорошо ли у них застегнуты штаны и не перевернулся ли галстук тыльной стороной наружу.

– Прошу, – гостеприимно приветствовал гостя Бровин, широким жестом указывая на холл и малую гостиную. – Вы раньше у меня не бывали, так ведь?

– Да, много слышал об этой замечательной квартире, но в гости пришел первый раз, – признался Воронов. – И без приглашения. Извините.

«Не только слышал, но, наверное, и читал. В доносах своих осведомителей», – подумал Бровин.

Он познакомился с Вороновым в 1996 году, когда на созданную для Бориса Павловича коммерческую клинику «наехала» мощная бандитская группировка.

По непонятным причинам генерал Воронов, служивший в каких-то таинственных спецслужбах, именно в это время подал рапорт об увольнении «по болезни», но сохранил связи с бывшими коллегами и возглавил крупный ЧОП – частное охранное предприятие.

В этой структуре был полный набор услуг – от охраны и силового прикрытия до слежки и даже вербовки агентуры.

Воронов без труда разрулил ситуацию, приструнив зарвавшихся братков. В криминальных кругах его ЧОП пользовался устрашающей репутацией. Среди сотрудников «предприятия» было немало офицеров с боевым прошлым, прошедших пекло афганской войны и «горячих точек», разбросанных по всему миру, включая просторы развалившейся Великой Империи. Каждый такой офицер был «уникальным штучным изделием».

Только бывший министр обороны по кличке Мерседес не понимал этой простой истины. Во время первой чеченской войны он своими приказами посылал спецназовцев в лобовые атаки как обычную пехоту. Когда Воронов прямо сказал Мерседесу, что нельзя так бездарно тратить «золотой фонд», приобретавшийся десятилетиями, тот криво ухмыльнулся:

– Что, трусил, генерал? Так и скажи.

Воронов напрямую Мерседесу не подчинялся, и конфликт не имел для него печальных последствий.

Бровин был благодарен генералу за помощь и, в свою очередь, всегда шел навстречу его просьбам. Касались они обычно медицинских надобностей, когда кто-либо из родственников или друзей Воронова нуждался в сложном хирургическом вмешательстве. Однако деловые контакты не переросли в человеческую близость. Борис Павлович, в силу генетической памяти, с опаской относился к «бойцам невидимого фронта» и осязаемо чувствовал в Воронове человека жестокого, не признающего моральных ограничений.

«Никогда не знаешь, чего от них ждать», – опасливо размышлял Бровин, однако к услугам генерала и его ЧОПа прибегать не гнушался.

На этот раз, предположил Борис Павлович, речь пойдет, как обычно, о срочной хирургической операции. Иначе не стал бы генерал беспокоить его в столь позднее время, да еще вламываться в квартиру, куда его никто не звал.

«Впрочем, у них свои приемчики. Профессия, знаете ли, накладывает».

– Чем могу помочь? – сразу перешел к делу Борис Павлович, после того как Воронов устроился в глубоком кресле с видом на зимний сад в лоджии.

– Речь пойдет о вашем племяннике, – негромко сказал Воронов.

От неожиданности Борис Павлович резко присел на антикварный стул. Тот жалобно скрипнул под его весом.

Глава 7

Ключевое звено

Надо ждать, когда плод созреет. Но когда он созреет, его надо сорвать!

Подмосковный замок «Майндорф», что в переводе с немецкого означает «Моя деревня», был предприятием коммерческим. Он, правда, относился к категории «ОГО» – объектов государственной охраны, но принадлежал Управлению делами президента и предназначался приносить прибыль – сдавался в аренду для корпоративных мероприятий и прочих надобностей. Теоретически он мог использоваться даже для свадебных церемоний и разных приятных увеселений, что, впрочем, не особенно афишировалось.

Замок был построен в восьмидесятые годы XIX века по заказу экзальтированной генеральской дочери Надежды Казаковой, увлекавшейся рыцарскими романами. А название «Моя деревня» получил не из-за сельской сущности, а после того, как девица вышла замуж за небогатого барона по фамилии Майндорф.

В советские времена здесь обосновался Дом культуры работников совхоза «Барвиха». А потом замок попал в тесные «объятия» Управления делами, которое вернуло ему былую роскошь.

Президент, «как простой олигарх», вынужден был периодически арендовать «Майндорф» для проведения международных переговоров на лоне природы в псевдоготическом декоре «подмосковного замка». Его личная загородная резиденция «Горки» на Рублевке была для торжественных приемов тесновата.

Премьер в этом смысле пользовался некоторым превосходством. Построенная еще при Горбаче загородная резиденция в Ново-Огарево имела много уютных, но достаточно просторных помещений. Здесь можно было принимать зарубежных лидеров, устраивать в перерывах пресс-конференции, подписывать документы, выслушивать доклады министров и приятно проводить редкие часы досуга.

Дюк с непринужденностью старого приятеля попросил Ратова подвезти в «Майндорф» положение об управлении экономических реформ и прочие документы.

– У президента будет минут двадцать. Лучше сделать это сегодня, а то скоро Новый год. Может затянуться.

Устроившись в маленькой уютной комнате замка, Ратов еще раз просмотрел заготовленные бумаги.

«Неужели он будет все это читать? Или только просмотрит? Вроде все согласились». Ратова не покидало ощущение нереальности происходящего.

Если серьезно заняться предлагаемым вариантом, это может открыть новый путь развития, перевернуть многие устоявшиеся понятия. Но все происходило слишком буднично, как бы между прочим. И в «состоянии пониженной видимости». Появится управление экономических реформ, а что дальше? Еще одно красивое название?

Президент вошел в кабинет улыбающимся и довольным. Он получал истинное наслаждение от бесед с зарубежными лидерами. Переговоры, судя по всему, прошли успешно. Хотелось бы, конечно, чтобы не отвлекали всякие неприятные кризисы и занудливые типы вроде Ратова!

– Все готово? – коротко спросил президент.

– Положение об управлении экономических реформ завизировано всеми заинтересованными подразделениями администрации. Возражений нет.

– Совсем не было возражений? – удивился президент. – Это плохо. Значит, не верят в серьезность вашего проекта.

Ратов мог бы пояснить, что процесс шел гладко прежде всего благодаря применению формулы «президент видел и все одобрил», рекомендованной многоопытным «кадровиком» Олегом Петровичем. Но счел это излишним. Тем более что в душе заскребли коготки сомнения: может, ощущение нереальности возникает не только у него, но и у всех окружающих? Какие там реформы! Богатыми и успешными у нас не становятся, их назначают. А бедными?

Президент быстро просмотрел документы и размашисто поставил свою подпись.

– Сразу приступайте к подготовке проектов указов. Не теряя времени! Тяжелая информация поступает, неприятная. Большинству предприятий кредиты недоступны, ставка сохраняется на уровне двадцати процентов и выше. Активы компаний обесценились, а банки требуют стопроцентного залогового обеспечения. Эту проблему мы обсуждали с правительством и бизнесом. Ключевое звено нужно искать, я об этом много раз говорил и не устаю повторять. Иначе утонем в проблемах.

– Я предлагаю создать Национальный инвестиционный совет. Убежден, это сразу изменит всю систему управления, – торжественно сказал Ратов.

– Вам передали мое поручение по списку предприятий?

– Да, конечно, уже работаю.

– Вот вам реальная проверка вашей идеи. Речь идет о выделении господдержки, то есть об инвестициях. Если спокойно обо всем договоримся с правительством, значит, такой совет имеет шансы. Если нет, сами понимаете... Опустимся ниже плинтуса.

Ратов гордо кивнул, хотя понимал все меньше. Если все так плохо, за что же хвалить «ополчение испуганных счетоводов», которые довели промышленность до плачевного состояния?

– Кризис мы, конечно, переживем. С потерями, но что поделаешь! А дальше? Надо понимать, что через семь – десять – двенадцать – пятнадцать лет созреет очередная кризисная волна. И Россия должна подготовиться к ней заранее.

– Тем более нельзя сохранять старую структуру экономики, – догадался Ратов.

Однако президент не поддержал его находчивость, и Ратов окончательно решил, что лучше воздерживаться от комментариев.

– Нет элементарной инвестиционной политики на уровне правительства, – с негодованием заявил президент. – Я в свое время пытался такую политику внедрить, когда занимался приоритетными национальными проектами. Определенные результаты были. Но настоящей координации добиться не удалось. В общем, модель управления нужно менять.

– Будем менять, – оптимистично пообещал Ратов.

Президент бросил на него беглый взгляд и ничего не ответил.

В камине стрельнули догорающие угли. Аппетитно потянуло дымком. Как после охоты, когда жарили мясо.

* * *

Прогнозы и ожидания не сбывались. А ведь все начиналось так перспективно! Репутация либерального политика с прогрессивными взглядами. Яркие идеи, как реформировать мировую экономику. Благожелательный интерес глав государств и правительств, финансистов и промышленников, которым нравилось тешить себя мыслью, что новый глава государства будет более предсказуемым и легким в общении, чем его жесткий предшественник.

Этот образ нравился президенту, ласкал самолюбие и вселял уверенность. Правда, в глубине души он прекрасно понимал, что приоритетные проекты, которые должны были создать ему имидж прогрессивного руководителя, идут не так гладко, как подавалось при-

дворными. Особенно плохо обстояло с жильем. Вместо того чтобы дешеветь, оно становилось заоблачно дорогим и недоступным. Много жалоб поступало на реформу в образовании, которая грозила превратить и без того не шибко грамотных детей в дебилов. Но в России всегда жалуются, и невозможно все сделать сразу. Будем решать постепенно, системно, шаг за шагом.

По натуре он был не мечтателем, а практиком, сохранившим методичность хорошего преподавателя. Любил объяснять, выстраивать схемы, излагать аргументацию.

А потом случилась пятидневная война на Кавказе, которую он воспринял как личный вызов и жуткую несправедливость. Оказалось, что «улыбчивый либерал» умеет быть жестким, смелым и не менее решительным, чем его наставник, ставший премьером. Он почувствовал, что ему фактически безразлична утрата репутации либерала. Пусть думают, что хотят, а он будет делать то, что считает правильным. И легко привыкал к новому образу, который в общем-то не сильно отличался от прежнего, только стал более сложным и многоцветным.

Новый и прежний образы как-то стали уживаться друг с другом, войдя в некое равновесие. «Ястреб во внешней политике и либерал в экономике», – стали говорить иностранные эксперты. Им тоже хотелось найти некое успокоение после кавказской войны. Отойти от пропасти и забыть запах тления – неизбежного спутника мирового апокалипсиса, который оказался близким и почти осязаемым.

И вдруг случился финансовый кризис. Он стал стремительно расползаться, как злокачественная опухоль. Слишком много «вдруг» для такого короткого промежутка времени. Опять все смешалось. Снова пришлось возмущаться, повышать голос, ругать чиновников, требовать порядка. Появились неудовлетворенность и раздражение. Нажимаешь на кнопки – не работает. И не всегда понятно, на какие кнопки нужно нажимать, – управление экономикой входило в сферу ответственности правительства, а следовательно, было «под премьером».

Пошли слухи, что его критические выступления на экономические темы вызывают недовольство в Доме правительства на Краснопресненской набережной. Все чаще приходила мысль, что необходимо еще раз взвесить, продумать, договориться, кто и за что отвечает в «тандеме президент – премьер», а затем обновить всю систему управления. Он чувствовал, что нельзя без этого, и не хотел, чтобы в истории его считали неудачником. Начинал одно, а получилось совсем другое. Слова правильные, а результаты?

Многие стали замечать, что президент появляется мрачный, ругается, разносит, «костерит» и не жалеет колоритных выражений. А что поделаешь! Он мало спит – не более пяти часов в сутки, старается просматривать все документы, принимать верные решения, но они проваливаются в бездонную яму. Невозможно только ругаться. На кризис все не спишешь. Нужны другие меры – кардинальные. Но какие? Есть границы, которые он не сможет перейти ни при каких обстоятельствах.

Идеи Ратова показались привлекательными потому, что они деликатно, в хорошей бюрократической упаковке, но основательно меняли систему управления, предоставляя Кремлю более весомые и, по сути, решающие полномочия в управлении экономикой. Однако он так и не решил, стоит ли сейчас добиваться реализации этой схемы, не вызовет она болезненной реакции, не разрушит сложившийся баланс сил и устойчивость власти? Рисковать не хотелось, особенно сейчас, когда кризис не достиг дна и грозил промышленной катастрофой.

Президент вздохнул и снова вспомнил основные положения документов, которые Ратов показывал ему в «Майндорфе». Попробовать запустить, чтобы протестировать реакцию? В конце концов, мало ли сейчас предложений. Ну создали новое управление администрации. Поручили ему разрабатывать проекты экономических реформ. Естественно, оно

предлагает свои идеи. Почему бы не показать их премьеру? Или еще рано? А может, уже поздно?

– Когда поездка в Белый дом? С новогодними поздравлениями, – спросил президент по внутреннему телефону.

Услышав ответ главы администрации, он взял новую коллекционную ручку, покрытую китайским темно-синим лаком с золотыми разводами, и нарисовал на бумаге смешную фигурку маленького человечка.

– Скажите Ратову, чтобы к этой поездке передал мне записку о Национальном совете по инвестициям. Как мы с ним договорились. На обычной бумаге, без грифа и обращения. Типа справки-памятки.

– Будете ее вручать?

– По обстановке, – отозвался президент и нарисовал на бумаге еще одну фигурку.

Критически рассмотрел рисунок, подумал и добавил второй фигурке шляпу с полями.

Глава 8

Рождение клона

Однако я сразу смекнул, как воспользоваться этим случаем.

«Не может быть, – думал Ратов. – Лицо, те же жесты, даже имя – Марина. Что это, подарок судьбы?»

После случайной встречи в банке Игорь почувствовал себя так, словно с плеч свалился огромный груз. Он был на грани отчаяния, когда понял, что вернуть Марину не удастся. И успокаивал себя. Ее можно понять. Не хочет экспериментов, не желает мучиться, устала от неопределенности. Лучше спокойная и предсказуемая жизнь с Максом, чем метания с бывшим возлюбленным.

«Все правильно, разумно, – убеждал себя Ратов. И вдруг эта встреча – как избавление. – Кто такое придумал? Невольно поверишь в чудо. Не рано ли радоваться? Эта красивая и, казалось бы, такая знакомая девушка может оказаться абсолютно другим человеком. В конце концов, я ее не люблю... Да, верно, я люблю в ней прежнюю Марину. Но если моя новая знакомая окажется другим человеком, может, это к лучшему! Давно пора поставить точку, избавиться от наваждения. Или все же побороться?»

«Остается только превратить ее в подобие той, прежней, «изделие усовершенствованное, модернизированное», отвечающее твоим вкусам. Клонировать – и все дела!» – доносился из глубин сознания цинично-глумливый шепот.

«А почему бы и нет? – подумал Ратов. – Что плохого? И неизвестно еще, кто кого клонирует. Часто даже очень молодые женщины оказываются сильнее взрослых мужиков».

В душе зрели азарт и желание поскорее увидеть эту пока еще незнакомую Марину. А вдруг первое впечатление – ложное? Действительно коварное наваждение. Колдовство... Как говорится, лучшее лекарство от любви с первого взгляда – посмотреть второй раз. Развеется очарование, и выяснится, что он сам себе все напридумывал.

«У нее наверняка кто-то есть. Она ничего не захочет менять, как и моя Марина. Вернее, уже не моя». Ратов сильно забеспокоился, в спешке набросил короткое черное пальто и выбежал к машине.

До закрытия банка оставалось полчаса.

* * *

Игорю повезло. Он не застрял в пробке, успел припарковать машину и вошел в узкий операционный зал за несколько минут до закрытия. Вдоль стен в креслах сидели люди, будто банк и не должен закрываться.

Молодой парень в распахнутой куртке и с модным портфелем в руках затравленно посмотрел на Ратова:

– Электронная очередь, нужно получить квиток с номером.

На столе, рядом с включенным компьютером, где требовалось самому навести «мышку» на нужную операцию и получить взамен листочек с номером очереди, валялась оставленная газета. Игорь невольно прочитал набранный на первой полосе заголовок: «Бум потребления в России закончился. Средний класс истратил свои сбережения за две недели».

Судя по очереди – не совсем правильная информация. Уставшие, издерганные люди «уходили» в евро и доллар, срочно конвертируя рублевые вклады. Банк работал в дежурном режиме – до последнего посетителя.

Никто не разговаривал, не шутил. Игорь почувствовал исходящие от «инвесторов» волны озлобленности и разочарования. Людей можно понять. Еще несколько месяцев назад власти бодро советовали хранить деньги в национальной валюте. Потом рубль вошел в пике и рекомендации стали носить более причудливый характер: храните сбережения в той валюте, которая вам удобна. Можно и в рублях, но для долгосрочной перспективы.

Рубль продолжал падать. Чей-то изощренный ум нашел гениальное по простоте изобретение, назвав крушение рубля «плавной девальвацией» и поставив ее в заслугу власти. Дескать, все было сделано специально, чтобы люди смогли разобраться и поменять рубли на другие валюты, курс которых оказался столь же «плавным». Правда, их плавность выражалась иначе: курс почему-то шел вверх, а не падал.

Ажиотаж подогрели слухи, что рубль окончательно (и совсем не плавно) рухнет до Нового года. В это поверили и снова бросились в банки – обменять последние «деревянные». Казалось невероятным, что рубль опять может «пойти вверх».

– Электронная очередь, – еще громче произнес обеспокоенный портфельносец.

Его слова услышали, и Ратов против своей воли оказался в центре внимания.

– Мне только посмотреть, – сказал Игорь.

– Тут всем посмотреть. В порядке общей очереди, – визгливо сообщила модно одетая женщина средних лет.

Игорь не спорил. Он уже увидел, что Марины в зале нет. Отошел к двери и стал разглядывать объявления. Судя по тому, что банк несколько раз повысил ставки по вкладам, в закромах «мышь повесилась».

Она вышла из боковой двери, одетая в короткий плащ, длинный шарф причудливо завязан вокруг шеи. Улыбнувшись, с кем-то попрощалась и пошла к выходу. Ратов выскочил следом. Уже стемнело. Марина спешила к метро.

Секунду поколебавшись, Игорь пошел чуть сзади, стараясь не попадаться на глаза. Марина легко перескакивала через лужи и грязные разводы льда. Ратов поскользнулся один раз, второй. Чуть не упал, но сумел сохранить равновесие. Дорогие ботинки заляпались грязью.

Уже в вестибюле метро он судорожно вспомнил, что нужно купить билет. Времени не было. Марина прошла к эскалатору. Игорь протиснулся мимо дежурной, сунув ей денежную купюру. Та сноровисто спрятала деньги в карман и посмотрела в другую сторону:

– Проходим, не задерживаемся.

Двери Плехановки были ярко освещены. Марина несколько раз поздоровалась со знакомыми.

«Сейчас она войдет в здание, и я ее потеряю...» Ратов пошел на сближение и громко крикнул:

– Марина!

Она даже не обернулась.

– Марина!

Девушка была уже в нескольких метрах от двери. Ратов смешно обежал ее справа и преградил путь:

– Марина...

Та удивленно посмотрела на него и, кажется, не узнала.

– Мы разве знакомы? Вообще-то меня зовут Марика.

Знакомство у дверей Плехановки получалось сумбурным. Игорь был неотразим – не в том смысле, что красив и обольстителен, а фантастически настойчив и убедителен. Как в студенческие годы, когда бесшабашный Ратов легко мог познакомиться на улице, в метро и даже в очереди к дантисту – был и такой случай.

– А мне вы назвались Мариной, – деланно возмутился Игорь. Инстинкт подсказывал: делай что хочешь и как хочешь, но только не дай войти ей в здание. Тогда все потеряешь.

– Ах да! Вы, кажется, приходили в банк. И спросили, как меня зовут.

– Вот видите. Сразу поняли, что отпираться бесполезно, – строго сказал Ратов.

– Вы здесь преподаете?

«На студента я уже не похож, – сокрушенно подумал Ратов, – но главное – не терять инициативу».

– Да, преподаю. Иногда. А почему вы назвались Мариной?

Девушка озабоченно посмотрела на часы – опаздывала на лекцию, но не послала его к «чертям собачьим», а постаралась как можно вежливее объяснить:

– Незнакомым людям я говорю, что Марина, но по факту я Марика. Часто спрашивают, что это за имя. Некоторые шутят: назвали в честь торта. Знаете, есть такие вкусные торты «Марика»?

– Знаю. С шоколадной корочкой.

– Вот именно. Чтобы избежать лишних разговоров, говорю «Марина» – так короче.

– А меня зовут Игорь. Можно, я буду вас называть Марикой? Мне имя нравится.

– Да ради Бога, зовите как хотите. Но я опаздываю.

– Умоляю, – спохватился Игорь. – Прогуляйте эту лекцию. Я вам прочитаю вместо нее тысячу других. Мне очень нужно с вами поговорить, очень! И обязательно сейчас!

– А что случилось?

– Рубль падает, это серьезно. – Ратов быстро подхватил Марику под руку.

* * *

Ратов ощущал необычайный прилив сил. Начиналась новая глава в его жизни. С непредсказуемым результатом. Но это его не беспокоило. Еще вчера каждое движение давалось с трудом, отзывалось болью и раздражением. А сейчас он радовался любой мелочи и был готов горы свернуть. Или хотя бы немного сдвинуть. Причем не важно, в каком направлении.

Он часто улыбался. Взгляд стал внимательным и требовательным. Однако поздно вечером, оставаясь наедине с самим собой, вновь ощущал глухую тоску и щемящее одиночество. Сутки четко разделились на две части – до и после.

Он уже решил, что не будет писать и тем более звонить «бывшей Марине». Но все же не удержался. Включил компьютер и под желтым светом настольной лампы стал набирать очередное письмо, торопясь, чтобы рассказать как можно больше подробностей, излить свою боль, напомнить о себе. И ничего не просить. Ничего!

Я встретил девушку, которая мне очень понравилась. Молодая, умная, приятная в общении. И что удивительно – странным образом похожая на тебя. Но не так, как бывают похожи сестры и даже близняшки. Она скорее твоя копия. Те же движения, поворот головы. Немного выше. Взгляд мягче, но сходство поразительное.

Характер, кажется, отличается. Не такая решительная и говорит менее уверенно. Свое мнение не навязывает. Впрочем, это может проявиться с возрастом.

Пока не знаю, что меня больше привлекает в этой девушке. Кстати, ее зовут Марика. Тоже очень похожее имя. Сначала даже представилась мне Мариной. Поразительно!

Возможно, она нравится мне искренностью, свежестью. Или все же главное – похожесть на тебя. Ловлю себя на мысли, что пока вижу в ней в основном клона, дублера, двойника одной гордой особы, которая меня бросила.

Это не очень правильно с моей стороны. Она достойна большего. Но не исключаю, что для меня это – единственный выход из сложившегося положения.

Я попытаюсь.

Ответ пришел через пять минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.